Вадим
ПАНОВ

НИКТО НЕ ОЖИДАЛ,
поэтому
ДОСТАЛОСЬ ВСЕМ

Заход

Вадим Панов

Зандр (сборник)

«Эксмо»
«Панов Вадим»
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Зандр (сборник) / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим», 2016

ISBN 978-5-699-84154-7

Время Света изуродовало планету до неузнаваемости. Города превратились в вулканы, горы – в моря, а цветущие поля – в пустыню.Земля стала Зандром. Выжженной каменистой пустошью – новым домом для людей, чудом уцелевших в страшной войне: зачерствевших, ожесточившихся, озлобленных и… пытающихся остаться людьми. Для Гарика Визиря, умеющего выживать там, где умирают даже каменные крысы. Для Сатаны, чья любовь превратилась в ненависть. Для Карлоса Флегетона, искренне верящего в силу Слова. Для Белого Равнодушного, которого боятся все. Для Кабиры Маты, которую боятся даже те, кто не боится Равнодушного.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84154-7

© Панов В. Ю., 2016
© Эксмо, 2016
© Панов Вадим, 2016

Содержание

Аттракцион Безнадёга 6
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Вадим Панов
Зандр

© Панов В., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Квантовые компьютеры. «Вакцина долгожителя». Перенаселение. Искусственная пища. Искусственные конечности. Слухи об изобретении искусственного мозга…

В XXI веке жизнь стала намного комфортнее. И опаснее. Слишком много людей. Слишком мало ресурсов. Планета износилась, как застрявший в Нью-Мексико «Бьюик», и превратилась в пирог, которого не хватает на всех.

Планета умирала…

И тогда появился Пророк, который сказал, что смерть станет очищением.

Собор Вселенского Огня… Хочешь вечной жизни – умри.

Но только ли в Пророке дело? В одном ли Пророке? Смог бы Пророк в одиночку устроить то, что в итоге получилось?

Иногда я думаю: кто во всём виноват?

Иногда все мы, каждый, кто выжил и шляется теперь по Зандру, задаётся этим глупым вопросом, издавна считающимся «русским»:

«Кто виноват?»

Соборники, которые зажгли Землю? Военные, не уследившие за своим грёбаным оружием? Хакеры, решившие развлечься в дурацкую игру «Мама, я управляю боевым спутником!»? Анархисты, которые им помогли? Главы корпораций, искренне верившие, что сверхсовременные убежища уберегут их от катастрофы, а «расплодившихся людишек» давно пора проредить с помощью ограниченной ядерной…

Кто?

Все они.

Никто.

Никто не ожидал, что получится не «ограниченная», деликатная, нацеленная на то, чтобы сохранить для господ из корпораций как можно больше ресурсов, радикально уменьшив поголовье потребителей, а Время, мать его, Света!

Никто не ожидал.

И поэтому досталось всем.

(Отрывок из восемнадцатого письма Скучного Очевидца[1]**)**

[1] Разрозненные тексты стали появляться в сети вскоре после Времени Света. В настоящее время известно о тридцати неупорядоченных письмах разной степени достоверности и множестве созданных подражателями фальшивок.

Аттракцион Безнадёга

«В старых инструкциях писали, что при повышенном уровне радиации ни в коем случае нельзя курить. Мол, табак вытягивает из почвы кучу канцерогенного дерьма, которое плюсуется к грёбаному облучению, которое шпарит от каждого камня, и всё это вместе способно вызвать в недрах моих кишок опа-асную болезнь.

Шутники, чтоб их всех на атомы разложило…

Покажите мне настолько опа-асную заразу, способную прикончить раньше «химии», «кислоты», агрессивных биологических примесей, пули, огнемёта, ножа или отсутствия жратвы. Оценили шутку? Грёбаная болезнь может меня убить… Только для этого ей придётся встать в грёбаную очередь, и, скорее всего, её затолкают в самый хвост.

Курить нельзя…

Идиоты.

После Времени Света никто из моих друзей не бросил. Из выживших друзей, разумеется, потому что сгоревшие не в счёт. А если кто и бросил, то только потому, что не смог достать сигарет и отвык: вместо табака народ принялся сеять съедобное и только съедобное, и планета долго жила на старых запасах курева. Я успел урвать три блока и перебивался ими полгода. Потом ещё находил… Везло… Потом фермеры опомнились, сообразили, за что люди готовы сбрасывать радиотаблы в диких количествах, и в кисетах появился свежий, безумно дорогой и круто канцерогенный табачок. А поскольку с бумагой теперь ещё хуже, чем с табаком, приходится пользовать трубку.

Но лучше так, чем совсем без курева.

Лучше так…»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря)

Если табаку повезёт, в графе «причина смерти» у Визиря появится отметка: «Выхаркал лёгкие с кровью, спасибо пагубной привычке», однако сегодня именно курево спасло комби от неминуемой гибели. Почему? Потому что «баскервили» ненавидят табачный дым – есть у них такая особенность, а нервничающие «баскервили» неспособны похвастаться должной

выдержкой. А выдержка в Зандре важна не меньше хорошо развитой внимательности, мгновенной реакции и умения метко стрелять. В общем…

В общем, когда Гарик заприметил фургон, уткнувшийся в коричневый, наполовину обросший пятнами медузы валун, он сбросил скорость и внимательно огляделся, стараясь не упустить ни одной детали.

Никого.

И ничего подозрительного. Ни движения. Ни шумного дыхания. Ни шуршания…

Встроенный в комби тепловизор отчитался, что за камнями слева и в двух небольших оврагах справа – в наиболее удобных для засады местах – живые существа отсутствуют, а вот в кузове фургона их минимум пять. Лежат смирно, дышат тихо, скорее всего, молчат, идентифицировать не удаётся, потому что изнутри фургон обшит какой-то отражающей дрянью, к счастью, слегка протёршейся…

Раненые?

Нет, фургон не разбился, а мягко ткнулся в валун – это видно по следам и мизерным повреждениям, – раненых быть не должно, во всяком случае таких, которые не смогли бы выбраться из машины.

Рабы? Пленные?

Вот это ближе к истине, учитывая, что до аттракциона примерно десять километров, а торговля живым товаром в Весёлом Котле хоть и не процветает, но вполне допустима. Рабы же наверняка скованы, вот и остались в кузове, но… Но фургон не был похож на машину работорговцев, присвоивших или получивших добродушное вроде бы прозвище – папаши. Никакой защиты, кроме слабого бронирования и усиленного стекла, единственный пулемёт – на корме; и никакого сопровождения. А папаши не действуют в одиночку.

– Занятно… – Визирь объехал находку по кругу, но не обнаружил ничего интересного, кроме уткнувшегося в руль водителя. После чего остановил багги напротив дверей фургона и раскурил «младшую» – на пять затяжек – трубку.

Итак: за рулём покойник, внутри неизвестно кто, признаков засады нет, признаков нападения нет: лобовое стекло цело, фары целы, колёса целы… Что могло приключиться? Внезапная смерть водителя? Скорее всего. Но возникает вопрос: почему его спутники предпочитают медленно запекаться внутри разогревшегося на солнце фургона, вместо того чтобы сесть за руль и продолжить движение? А если там рабы или арестанты, то почему они не кричат? Двигатель багги работает тихо, но сидящие в фургоне люди должны были его услышать, поскольку в пустынном Зандре любой звук кажется громоподобным.

А они не услышали.

Или сделали вид, что не услышали.

И сами не издали ни писка: обострённые чувства комби способны уловить малейший звук, но из фургона доносилось лишь приглушённое дыхание.

Что косвенно указывало на связанных рабов. У которых, возможно, рты закрыты кляпами.

Визирь почти собрался подойти и заглянуть внутрь. Решил: докурю и пойду, но у «баскервилей», к счастью, не выдержали нервы, и они бросились в атаку раньше, чем Гарик сделал пятую затяжку.

Бросились молча – «баскервили» не лают, бросились резко – реакция у «баскервилей» дичайшая, муху на лету ловят, бросились быстро – тридцать метров до багги они готовы были сожрать за доли секунды, но…

Но в багги сидел не юнец безусый и не слабак, а много чего повидавший и ко всему готовый комби. И потому, едва распахнулись металлические дверцы фургона, как трубка упала разведчику под ноги, правая рука легла на руль, нога – пока едва-едва, ласково – коснулась педали ускорителя, а в левой руке Визиря появился «маузерРХ», тут же вздрогнувший выстре-

лами. Голова первой твари лопнула, как перезревшая тыква-пиявка, – пуля влетела ей в глаз. Но второй «баскервиль» успел пригнуться, и предназначавшийся ему раскалённый кусочек металла прошёл по касательной, не причинив особого вреда усиленной лобной кости твари.

Только кожу поцарапал.

«Баскервили» – видоизменённые лабораторией К9000 собаки – страшны и сами по себе, но особенно неприятны в стае. Они умны, хорошо дрессированы и знают, как добраться до добычи. Готовы выжидать, готовы атаковать, а эти – немыслимое дело! – готовы были печься в раскалённом фургоне.

«Похоже, егеря стали делать тварей по улучшенной методике…»

Впрочем, эта мысль посетила Гарика много позже, а тогда он плавно надавил на акселератор, уводя багги от жаждущих пообедать псов.

«Четыре «баскервиля», чтоб их на атомы разложило…»

Что делать? Самое простое – прибавить ходу и уехать в безопасную даль, продолжив путь в аттракцион Железной Девы, поскольку на длинных дистанциях и высокой скорости «баскервилям» за багги не угнаться. Однако Визирь уже настроился обыскать фургон и потому сильно не разгонялся и, не оставляя стаю слишком далеко позади, заложил широкую дугу, внимательно следя за тем, чтобы на пути не оказался валун.

Тактика сработала: один из «баскервилей», то ли самый сильный, то ли самый тупой, то ли одно и другое одновременно, вырвался вперёд, в надежде первым добраться до шустрой добычи, и схлопотал пулю в грудь. Покатился, роняя в пыль капли крови, заскулил и больше не поднялся – «РХ» только выглядит несерьёзно, а пули разгоняет так, что иная винтовка позавидует.

«Осталось трое».

Которые, увидев, что произошло с шустрым собратом, внезапно остановились, недовольно наблюдая за пылящим багги. «Баскервили» готовы были признать поражение и отпустить разведчика на все четыре стороны, однако такое развитие событий комби не устраивало. Гарик остановил машину, быстро выхватил и вскинул винтовку и… и разочарованно цокнул языком: увидев длинноствольное оружие, умные собаки бросились под защиту валунов.

– Суки!

Или кобели – не важно. Сейчас имеет значение лишь то, что подлые твари поняли, с чем имеют дело, и укрылись.

Ситуация зашла в тупик.

Рассудок подсказывал, что нужно плюнуть и уехать, но в этот момент жадность была неожиданно поддержана гордостью: «Я что, не смогу справиться с тремя шавками?!» – и Визирь продолжил игру.

Он убрал винтовку, вновь взял в левую руку «маузер» и направил багги к фургону. «Баскервили» не появлялись. Если и следили за перемещениями Гарика, то очень осторожно, ухитряясь укрываться даже от опытного взгляда разведчика, и с места, как показывал тепловизор, не двигались. Комби остановил машину у распахнутых дверец, вышел, заглянул внутрь…

Хотел заглянуть!

Шестая тварь метнулась в тот самый миг, когда комби потянул левую дверцу. Бросилась, словно запустила себя из катапульты, врезалась в дверцу, ударила ею Гарика, опрокинув разведчика на землю, на мгновение задержалась – Визирь успел пнуть створку обратно, – снова бросилась, но лежащий на спине комби трижды выстрелил из «РХ». Пули разорвали «баскервилю» грудь, но тварь сумела упасть на Визиря, придавив его стокилограммовой тушей.

– Дерьмо!

У носа клацнули челюсти – умирающая собака продолжала бороться, – а ей на помощь, молча поднимая клубы пыли, со всех лап мчались родственницы… сёстры по пробирке…

Дерьмо.

Гарик щёлкнул пальцами – из правого накладного киберпротеза выскочил клинок, вонзил его в пёсий глаз, рывком откинул окончательно обмякшую тушу, вскочил на колено… И тут же бросился в сторону – прыгнувшего «баскервиля» пулей из пистолета не остановишь.

Псина врезалась мордой в борт, взвыла, а прокатившийся по земле Визирь хладнокровно расстрелял её товарку. После чего машинально – уловил боковым зрением движение – выставил правую руку, поймав третью псину на клинок. Остановил в сантиметрах от себя, не дав порвать в клочья, чуть поднял руку, не позволяя извивающейся твари соскочить с ножа, двумя выстрелами в голову успокоил прыгунью и лишь после этого хладнокровно добил последнюю тварь.

Отдышался, оглядел заляпанную кровью одежду, вытер песком руки, достал из багги тряпочку, протёр клинок, спрятал его, почистил и вернул в кобуру «маузер» и лишь после этого заглянул в фургон.

И сплюнул.

Добыча оказалась жалкой: трёхлитровая фляга с водой да две банки питательных уколов для «баскервилей» – но и то и другое перекочевало в багажник багги.

Затем Визирь подошел к кабине. Он уже знал, кого увидит: чёртова зоолога, чтоб его на атомы разложило, который клонировал стаю «баскервилей», повёз заказчику, да сдох по дороге, превратив фургон в засаду…

Так и есть – егерь: на рукаве уткнувшегося в руль водителя красовалась нашивка К9000.

– Почему помер? А-а… Понятно… – Гарик увидел под ногами мертвеца блестящую «пудреницу» – вертикальный дозатор, в который заливали вызывающий галлюцинации раствор синей розы.

Один пшик в час считался нормальной, не мешающей жить дозой, но даже перебрав, егерь бы не умер, а сидел бы сейчас и хихикал, пуская слюни и воображая себя посетителем Атомного Вегаса. Но парень мёртв, следов насилия нет, а значит, у него банально не выдержало сердце – синяя роза угнетала его сильнее, чем мозг.

– Тебе повезло, – хмыкнул Визирь. – Ты помер спокойно, с улыбкой на губах. Прощай.

После чего вывернул у мертвеца карманы, забрал походный контейнер с тремя радиотаблами, пять золотых монет зигенской чеканки, литровую флягу с водой – полупустую, коротковольный автомат «Хук» и три десятка патронов к нему.

Выбрался, уселся на камень, покурил, задумчиво разглядывая фургон и его мёртвого владельца, выбил трубку и приступил к похоронам.

* * *

Время Света переломало Землю, превратило цветущие поля в Зандр, города – в вулканы, а горы – в моря.

Дороги исчезли… Все дороги: и асфальтовые, и грунтовые, и железные, и магнитные, и даже многие тропы… Несколько месяцев люди были предоставлены сами себе, выживая тем, что оказалось поблизости, потроша склады и магазины; потом попытались наладить производство хотя бы самого необходимого, стараясь обеспечить себя всем, чем можно; а потом появились первые торговые караваны, которые вскоре стали называть броневыми. Защищёнными от любых неприятностей: и от плохих дорог, и от плохих людей.

И караваны дали надежду.

Там, где есть люди, должна быть торговля – это аксиома. Потому что кто-то производит в избытке еду, где-то скопилось много топлива, в третьем городе хорошие патроны или лекарства – и только торговцы способны связать производителей между собой. И торговцы вернулись. Сначала как топтуны, пешком путешествующие между ближайшими посёлками, а потом – как гильдеры, объединённые в постепенно растущую Гильдию Коммерческой Взаи-

мопомощи. И именно их бронекараваны, случалось, пробивали континенты от моря до моря, во имя прибыли связывая друг с другом новые города и новые страны, возрождая надежду на то, что рано или поздно свихнувшийся мир вернётся к прежнему облику…

Гильдеры торговали, дрались, погибали, но упрямо шли вперёд.

И тянули за собой тех, кто был готов опустить руки.

Обычный бронекараван состоял из трёх-пяти тщательно защищённых мегатраков – мегов, способных без труда пройти по плоскому Зандру и даже форсировать каменные поля. В горы же, то есть в вертикальный Зандр, торговцы совались редко и только по известным, заранее разведанным дорогам. На мегатраки ставили башни с тяжёлыми пулемётами или автоматическими пушками, способными вдребезги разбить даже БТР последнего поколения. Тяжёлому танку, разумеется, мегатрак противостоял с трудом, но мало какой караван уходил в путь без ракетных комплексов…

Другими словами, торговцы могли защитить свои вложения.

Меги, собственно, и были самим караваном: в них ехали люди, в них везли основной груз. Иногда, с милостивого разрешения баши, за караваном пристраивались грузовики свободных торговцев, но они путешествовали на свой страх и риск: случись что, их не защищали и не ждали, поскольку караван – это мегатраки и только мегатраки. Вокруг которых сновали машины разведки и мобильной защиты: мотоциклы, багги и броневики.

Девяносто процентов странствующих по Зандру мегов были построены ещё до Времени Света, гильдеры их только бронировали и вооружили. Все они оснащались системами кондиционирования, однако экономные торговцы крайне редко пользовались благами цивилизации, и потому во внутренних отсеках огромных машин царила жуткая духота, украшенная толкотней, чужими разговорами, звучащими прямо над твоим ухом, и вонью давно не мытых тел, не исчезающей, несмотря на настежь распахнутые люки и дверцы.

Но такова была плата за безопасность.

И именно внутри головного мега вестовой отыскал ещё не старого – лет пятидесяти, не больше, – абсолютно седого мужчину, одетого в серые штаны-карго, высокие ботинки и грязноватую зелёную рубашку с закатанными рукавами. Правую руку седого усиливал накладной киберпротез, гораздо меньшего, чем требовалось, размера, однако внимание на это несоответствие никто не обращал: после Времени Света с медицинским оборудованием стало туго и люди пользовались тем, что удавалось отыскать.

Мужчина занимал место у иллюминатора, это говорило о его привилегированном статусе, и коротал время за чтением настолько потрёпанной книги, что она казалась призраком самой себя. Подобное занятие также подтверждало, что седой стоит на ступеньку выше обычных пассажиров, предпочитавших спать, ругаться или раскидывать карты.

– Господин Тредер! – Обычно посланец хозяина вёл себя куда свободнее, к пассажирам обращался исключительно на «ты», чтобы не привыкли, сволочи, к приличному обхождению, однако с седым следовало вести себя осмотрительно.

– Да?

– Вас хочет видеть баши.

Больше вестовой ничего не добавил, поскольку каждому пассажиру или служащему – даже привилегированному – было ясно, что раз баши зовет, то это важно, срочно, и отказаться ни в коем случае нельзя. Поэтому седой немедленно поднялся, спрятал книгу в карман рюкзака и кивнул сидевшей напротив девушке:

– Жди здесь.

Она никак не отреагировала, продолжая смотреть в распахнутый иллюминатор, но Тредер и не ждал ответа и, кивнув, сразу же повернулся к вестовому:

– Я готов.

И они пошли по узкому коридору к голове мегатрака, к его командирской половине, отделённой от пассажирской зоны бронированной перегородкой, дверь которой запиралась изнутри. Вестовой остановился у «глазка», назвался, сообщил, кого сопровождает, после чего замок щёлкнул, тяжёлая дверь приоткрылась и Тредер, сопровождаемый пристальными взглядами двух вооружённых охранников, медленно прошагал в кабину, мимо жилых отсеков первой команды.

Вестовой важно указывал путь.

Мегатраки бронекаравана Мухаммеда Энгельса были построены на базе атомоходов «БелАЗ Каракум», которые до войны таскали грузы по многим пустыням и потому прекрасно чувствовали себя в Зандре. Кабина «Каракума» находилась на двадцатиметровой высоте и была настоящим капитанским мостиком площадью в тридцать квадратных метров. Здесь разместились связист, рулевой, баши и операторы внутренней сети, управляющие машиной и автоматическим оружием. Прямо под кабиной располагался силовой блок атомохода, однако команду это обстоятельство не смущало: реактор был надёжно защищён таранным ножом в передней части мегатрака, массивными цельными колёсами и мощной бронёй корпуса.

– Хаким!

– Примите мое почтение, уважаемый баши. – Тредер склонил голову. – Для меня большая честь быть призванным вами.

– Ты по-прежнему вежлив.

– Воспитан.

– Разумеется.

Мухаммед Энгельс встретил пассажира хоть и дружеским восклицанием, но даже не обозначил движения подняться с капитанского кресла. Протянул руку, позволив её пожать, выслушал все полагающиеся словеса, после чего небрежно указал на лобовое стекло:

– Аттракцион Железной Девы.

И умолк.

Седой обернулся и прищурился на показавшуюся вдали колокольню. Он знал, что бронекараван минут десять как взобрался на плато Кирпичи, тогда же понял, что цель близка, но всё равно продемонстрировал эмоции:

– Наконец-то! – и шумно выдохнул. – Добрался.

– Здесь наши пути разойдутся.

– Да. – Тредер поклонился. – Благодарю за всё, что вы сделали для меня, уважаемый баши. Только в вашем караване я мог чувствовать себя по-настоящему спокойно.

– Другие караваны сюда не ходят. – Энгельс позволил себе усмешку. – Боятся.

Аттракционы, то есть не рядовые поселения Зандра, а логова бандитов, мародёров и работорговцев, осторожные гильдеры предпочитали обходить стороной, устраивая шумные ярмарки в нормальных городах, но Железная Дева была исключением. И баши Мухаммед лукавил, когда говорил, что в Деву ходит только он – её не оставляли вниманием все торговцы этой части Зандра, потому что…

Всё дело заключалось в Полукруглом хребте, который охватывал обширный Весёлый Котёл с востока и мягко прижимал к Рогульским Утёсам. Из-за хребта в Котёл не пришла чужая власть, но своих вождей, готовых противостоять падальщикам, в просторечии – падлам, на территории не нашлось, и потому главным здесь постепенно утвердился Скотт Баптист – главарь самой мощной банды падл. Довольно долгое время Баптист попросту «гулял», едва не спятив от вседозволенности и безнаказанности: грабил не задумываясь, насиловал всех, кого видел, отнимал, казнил… Одним словом, вёл себя, как заурядная падла с Зандра, однако бунты местных – хоть и жестоко подавленные – заставили Скотта призадуматься и понять, что Весёлый Котёл самой географией приспособлен для того, чтобы стать его вотчиной. Скотт

призадумался и одумался. Баптист превратил небольшой посёлок на плато Кирпичи в хорошо укреплённый аттракцион и объявил себя единственной легитимной властью Весёлого.

Что именно означает слово «легитимный», Скотт не знал, издаваемые законы называл понятиями, однако он дал территории главное – правила игры и хоть какую-то предсказуемость, превратил аттракцион в настоящую столицу и тем привлёк внимание баши.

В некогда бандитскую зону потянулись бронекараваны.

– Через пять дней мы повернём на юг, в Январские Степи, пройдём по их крупным поселениям, выйдем на границу Белого Пустыря, проведём три ярмарки в его северной зоне, вернёмся в Степи через Душные Камни, развернёмся и снова войдём в Весёлый Котёл. – Баши выдержал паузу. – Следующую ярмарку в Деве я планирую провести месяца через четыре. Не раньше.

– Зачем вы мне об этом рассказываете, дорогой друг? – тихо спросил Тредер, отворачиваясь к окну. При этом он зафиксировал правую руку в полусогнутом положении и чуть погладил, показывая, что немного нервничает.

– Тебе случалось бывать в Белом Пустыре? – вопросом на вопрос ответил Энгельс.

– Нет.

– Ты много потерял… – Баши вздохнул, припоминая… или подбирая слова: – Пустырь настолько белый, что убивает глаза, но так красив, что возникает желание сойти с ума. Особенно там, где мы будем – на севере. Там белый цвет стал миром, вобрав в себя все его краски, всю жизнь… И ты знаешь, Хаким, иногда я специально останавливаю караван, чтобы полюбоваться Белым. Я смотрю, смотрю на него столько, сколько это возможно без защитных очков, потом надеваю их и продолжаю смотреть. Я любуюсь… Я любуюсь, Хаким, представляешь? Я! Я видел всё до Времени Света и видел всё после него. Я был уверен: ничто не сможет меня поразить, но Белый Пустырь ударил мне в самое сердце. Он прекрасен…

– И прекрасна сама возможность путешествовать, – едва слышно произнёс Тредер. – Отыскивать чарующие места, которые, как это ни странно, есть в унылом Зандре…

– Любоваться ими…

– И чувствовать себя человеком…

– Ты все понимаешь, – улыбнулся баши. – Ты умён и восприимчив, хотя пытаешься казаться заурядным.

– Благодарю, дорогой друг.

Но Мухаммед, как выяснилось, не закончил.

– Ты прекрасный врач, Хаким, ты мог бы лечить моих людей и практиковать в каждом поселении, где я ставлю ярмарку. Такие, как ты, сейчас наперечёт и на вес золота.

– Всё так, дорогой друг, но вы знаете мои обстоятельства, – развёл руками седой. – Я услышал время, которое у меня есть, – четыре месяца. И если судьбе будет угодно вновь свести нас в Железной Деве, а вы по-прежнему будете добры ко мне, я с удовольствием приму предложение и останусь путешествовать.

– Это твоё слово?

– Да.

Энгельс выдержал паузу, демонстрируя, что ждал иного ответа, после чего велел:

– Помоги мне подняться. – Опёрся на руку Тредера, на ту самую, которую поддерживал киберпротез, медленно дошёл до носа кабины и остановился у лобового окна. Теперь их разговор не мог слышать даже рулевой. – Ты хороший человек, Хаким, хороший, но глупый. Я видел много похожих на тебя людей, но все они были мёртвыми. Или готовились умереть.

– Знаю, дорогой друг, – спокойно подтвердил седой. – Я не первый день в Зандре и потому подписываюсь под каждым вашим словом.

– Я не понимаю таких, как ты, но уважаю. Вы не останавливаетесь даже перед лицом смерти.

– Я должен…

– Больше ни слова – ты только что всё о себе сказал.

Они помолчали, любуясь медленно приближающейся колокольней – даже на знакомом плато Энгельс не позволял разгоняться быстрее сорока километров в час, наблюдая за мотоциклами и багги разведки – несколько машин устремились к аттракциону, за броневиками охраны – люки задраены, пулемётные стволы медленно ходят по кругу, выискивая цели, – после чего баши продолжил:

– Я знаю – это бесполезно, но не могу не предупредить в последний раз: не ходи в Безнадёгу, Хаким, там совсем плохо. Все аттракционы, которые ты видел до сих пор, не идут ни в какое сравнение с Безнадёгой. Там нет закона, нет даже понятий, нет ничего, к чему ты привык. Ты не вернёшься.

– Вы знаете мои обстоятельства, дорогой друг, – повторил седой.

– Эх…

Мухаммед пожал Тредеру руку и замолчал. Впервые за много лет, с самого Времени Света, могущественный баши хотел, очень хотел, но никак не мог повлиять на происходящее. Не мог ничего изменить…

* * *

«Камни… Камни гладкие, аккуратные, словно облизанные, и грубые обломки с острыми рваными краями. Камни, стоящие на песке и каменной крошке, на мельчайшей гальке, способной, кажется, течь не хуже воды, и посреди сухой, суше камня, выжженной земли. Камни едва ли не всех на свете цветов: чёрные и коричневые, белые и красные, зеленоватые, голубые, синие, серые… А ещё – чистые и обросшие пятнами медузы.

Камни…

Камни – это нынешний мир. Камни всех размеров, песок, солнце, радиация и снова камни… А между ними – редкие зелёные зоны и ещё более редкие водоёмы. Настолько редкие, что в их существование никто не верит, потому что вода ушла вниз, в глубокие слои, прячется, не желая течь по Земле, которая стала камнем.

Настоящая вода глубоко, а та, что приходит с неба, чаще всего отравлена… Хотя… Отравлена она по древним меркам, по таблицам, которые составляли врачи до Времени Света, до того, как мир стал грёбаным, а мы сожрали столько радиации, словно нам делали рентген каждые тридцать секунд жизни… Всю жизнь… Всю прошлую жизнь…

Я плохо помню прошлую жизнь, но знаю, что по её меркам я отравлен. И телесно. И духовно. Я отравлен и ядовит. Я опасен. Иногда я противен сам себе.

Но я живу.

Я знаю людей, которые скормили себе пулю, но я живу.

Отравленный. И ядовитый.

Я не знаю, кто первым назвал зандр Зандром, но он не ошибся, чтоб меня на атомы разложило, он отыскал правильное слово, потому что, когда я оглядываюсь, я вижу только его – Зандр.

И когда я смотрю в себя, я снова вижу его – Зандр.

Зандр всюду.

Безжизненный. Пустой. Жестокий…»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря)

Аттракцион Железной Девы возник, едва багги взгромоздился на Кирпичи по северному серпантину: невдалеке, в полукилометре, а то и поближе, открылась серая башня, бывшая церковная колокольня, на маковке которой замерла бронзовая статуя. Если бы Визирь явился на плато по южной, широкой и пологой дороге, то до аттракциона пришлось бы проехать почти восемь километров, а так он сразу разглядел и знаменитую Башню центральной площади городка, и не менее знаменитую Деву на ней. Как этой колокольне удалось пережить Время Света и последующие за ним тектонические сдвиги: мощные землетрясения, появление Рагульских Утёсов и открытие вулкана Шендеровича, никто не понимал до сих пор. Но как-то пережила и стала визитной карточкой аттракциона, известной далеко за пределами Весёлого Котла.

С севера Железная Дева вплотную подходила к обрыву плато, но из предосторожности над ним не нависала: по краю предусмотрительный Скотт Баптист выстроил оборонительную линию, и едва багги поднялся на Кирпичи, как пришлось останавливаться у блокпоста, состоящего из двух бетонированных дотов. Из правой амбразуры на мир смотрел тяжёлый пулемёт, из левой – огнемёт и скорострельная авиационная пушка с электрическим приводом. А за дотами, вдоль дороги, были установлены шесть классических Железных Дев, по три с каждой стороны. И, судя по свежим кровавым следам вокруг первой, сейчас она не пустовала.

В этом аттракционе преступников не вешали.

И ещё в этом аттракционе все знали Визиря, поскольку за него промолвил словечко Баптист – атаман, богдыхан и повелитель Железной Девы, милостивый король, справедливый судья и главарь банды падальщиков имени себя. Баптист Визиря жаловал – в своё время разведчик составил для него идеальные карты Весёлого Котла, – и потому мелкие падлы препятствий комби не чинили.

– С разведки? – осведомился Штиль, когда Гарик выбрался из багги.

– Ага.

– С Франко-Дырок или из Ямы Доверчивости?

– С Франко-Дырок.

– И как там?

– Пусто и радиоактивно… – отделался Визирь стандартной отговоркой комби. – А у вас?

– Кровь видишь? – Штиль мотнул головой в направлении Дев. – Веномы пытались прорваться.

– Заразные?

– Здоровых пропустили бы, – слегка удивлённый странным вопросом, ответил падальщик. – Мы с веномами нормально, когда они нормально, а эти дикие шли, очумелые. Я их внизу разглядел, в бинокль, вижу, что первые десять тряпками замотаны по самые гланды, и ору: «Размотайтесь, черти!» А они прут. – Бой случился недавно, эмоции ещё не улеглись, и Штиль с особым удовольствием описывал Визирю проявленный героизм. – В общем, побежали они…

– Побежали? – уточнил комби.

– Ага.

– Так они пешком к Кирпичам подошли?

– Пешком, – подтвердил падла.

– То есть совсем дикие…

– Получается. – Штиль помолчал.

Веномы – жертвы жутких болезней, порождённых агрессивной химией и вырвавшимися на волю боевыми вирусами, усиленными и видоизменёнными повышенным фоном, – являлись одним из самых страшных порождений Времени Света. Истории о том, как два-три разносчика «кентуккийской эболы» или страшного «синдрома старухи Клинтон» превращали в кладбища целые области, не были сказками – такое случалось. И потому в веномов предпочитали стрелять без предупреждения, их появление считалось достаточным поводом для атаки… Раньше.

Но постепенно ситуация поменялась. Исковерканные, но не заразные веномы стали мирными: вели оседлую жизнь, выживая так же, как все, и свободно торговали с чистыми. Опасность же исходила от веномов диких – заразных, болеющих и мечтающих утянуть в могилу как можно больше ненавистных чистых. Именно они считались бичом Зандра, его отравленной отрыжкой…

– Они орут: «Мы местные! Не стреляйте!» – а сами прут. Я им: «Стой! Суки! Докажите!» – а они прут и завывают, что местные. – Штиль потёр подбородок. – В общем, мы из пулемёта лупанули, они на землю попадали, меж камней укрылись, но я шуршание слышу – ползут, и врезал из огнемёта… Чуешь, мясом горелым воняет?

Воняло действительно изрядно. Пока разведчик ехал в багги, запах почти не ощущался, а вот на открытом воздухе вцепился плотно, и будь комби чуть менее опытен, наверняка почувствовал бы рвотные позывы.

– Вы их горелыми в Деву запихнули?

– Веномов в Деву? – притворно изумился падальщик. – Да я к этим гадам даже за сотню радиотабл не прикоснусь! Близко не подойду!

– Издали сожгли?

– Ага.

Рассказывая, Штиль успел проверить Визиря на радиацию, химически и биологически опасные внедрения, сделал экспресс-анализ крови и, судя по всему, остался доволен результатами. Не зря, покинув Франко-Дырки, Гарик провёл полный цикл обеззараживания, причём не только себе, но и багги, всему оборудованию и находкам.

– А в Железную мы их проводника посадили, – продолжил падальщик. – За то, что к нам вывел.

– Комби? – уточнил Визирь.

– Да. – Штиль знал, что Гарик заинтересуется, и ждал реакции.

– Откуда?

– Я не спрашивал.

Разведчик качнул головой, показывая, что понял и ответ, и то, почему ответ был именно таким, после чего заложил большие пальцы за портупею, помолчал и, выдержав паузу, спросил:

– Забрал его Атлас?

– Конечно.

Следующий вопрос Визирь задал небрежно, походя, однако Штиль знал, что в действительности разведчик волнуется, как девочка на первом свидании.

– Есть что-нибудь интересное?

– Не смотрел.

– Сколько?

– Дорого.

– Дорого не куплю, – тут же ответил Гарик. – Я на мели, а найти ничего путного не удалось.

– Прибедняешься. – Падальщик выпятил нижнюю губу, демонстрируя, что не верит ни единому слову комби.

– Честное слово.

– Приходи, когда разбогатеешь.

– Я не Баптист, – с улыбкой протянул Визирь. – Сто раз его спрашивал, что нужно делать, чтобы разбогатеть, но так ничего и не понял.

Толстый намёк на личное знакомство с главарем банды Штиль услышал и принял к сведению.

– Чтобы разбогатеть, нужно много работать и быть умным, – наставительно сообщил он разведчику.

– Вот и Скотт так говорит.

– Баптист зря не скажет.

– Верно… – Штиль помялся. С одной стороны, ему хотелось заработать побольше, с другой – он понимал, что только разведчик даст за Атлас достаточно много. – Сколько у тебя есть?

– Бери всё. – Комби нервным жестом выложил на капот багги походный контейнер с радиотаблами – не забыв мысленно похвалить себя за то, что не переложил радиоактивные элементы в свой контейнер, – и кошель с золотом. В общем, всё, что выгреб из карманов мёртвого егеря. – Сам видишь – я не миллионер.

– Чем же будешь платить за стол и койку? – с подозрением осведомился Штиль.

– Возьму у Заводной кредит, – махнул рукой Гарик.

– Теперь это так называется? – осклабился падла.

– Теперь это называется так же, как всегда, – строго произнес Визирь. И тут же перешёл в атаку: – Мне некогда, Штиль, соглашайся на предложение или жди другого комби. Только не факт, что он окажется при деньгах.

Было видно, что громиле очень хочется поскорее расстаться с Атласом, но он боится продешевить. Тем не менее вид радиотабл и золота в конце концов заставил падальщика сдаться.

– Я возьму всё, – произнес Штиль, сгребая с капота предложенное. – Но ты мне останешься должен две радиотаблы.

Предложение было более чем заманчивым, однако сразу соглашаться не имело смысла. Гарик потёр подбородок, цокнул языком, осведомился:

– Я забираю Атлас?

– Да.

– Тогда договорились. – И немедленно взял протянутое падлой устройство.

– Ты мне должен, – напомнил Штиль.

– Я надеюсь хорошо поторговать на ярмарке…

* * *

Останавливаясь в каком-либо поселении… как правило, в достаточно крупном, в центре края, области или района, гильдеры обязательно отправляли по округе мобильные лавки – извлекать прибыль из тех лентяев, что так и не соберутся в город, но главное действо, естественно, разворачивалось на ярмарке. Здесь продавали и покупали всё, что имело смысл продавать и покупать в Зандре: еду и воду, оружие и боеприпасы, одежду, обувь, снаряжение, запчасти, приборы, устройства, наркотики, лекарства, топливные элементы, генераторы, машины, программы… Здесь продавали радиотаблы и расплачивались радиотаблами. Обменивались новостями и сплетнями. Пытались обмануть или обокрасть. Случалось – не доживали до конца ярмарки, случалось – уезжали богачами…

– Будешь работать? – негромко поинтересовался Энгельс.

– Нет, – качнул головой Хаким. – Нужно найти проводника.

– Знаешь, кого?

– Из Железной Девы на побережье ходят два разведчика – Пепе Сапожник и Гарик Визирь, надеюсь, хотя бы одного из них привлекла ваша ярмарка, дорогой друг. И мне не придётся ждать.

– Из Белого Пустыря тоже можно добраться до Безнадёги, – неожиданно произнес баши. – Но тебе нужны Сапожник или Визирь, потому что они знакомы с Шерифом.

– Вы умны, дорогой друг. – Тредер склонил голову.

– А ты не был со мной до конца откровенен, Хаким, – усмехнулся Энгельс.

– Не хотел погружать вас в мелкие проблемы простого обитателя Зандра, дорогой друг, – объяснил седой. – Они не стоят вашего времени. – И поправил киберпротез на правой руке. – Извините, если моё поведение показалось вам дерзким.

– Я прожил много лет, – растягивая гласные, произнёс Мухаммед, наблюдая за тем, как его разведчики проверяют подготовленную местными территорию. Броневики уже обозначили периметр, и теперь настала очередь комби и стационарных приборов исследовательского грузовика, которые вынюхивали Зандр на много метров в глубину, выискивая заложенные мины, отравленные полости или ещё какую-нибудь заразу, способную угробить и ярмарку, и караван. – Но ни разу за всю мою долгую жизнь меня не посылали к чёрту с таким уважением.

– Ни в коем случае…

– Молчи. – Баши поднял руку, дождался тишины и вновь улыбнулся: – Ты хороший человек, Тредер. Я скажу за тебя Баптисту, так что проблем с местными не будет.

– Спасибо, дорогой друг.

– Я обещал.

Мужчины пожали друг другу руки, и Энгельс, глядя седому в глаза, произнес:

– Не сдохни, пожалуйста. Я с удовольствием возьму тебя в первую команду.

– Спасибо за пожелание удачи.

– Увидимся, – буркнул Мухаммед и отвернулся к лобовому окну, наблюдая за манёврами мегов…

…Ярмарку гильдеры, как правило, ставили за городской чертой, поскольку обычные поселения Зандра большими размерами не отличались и ни одна из их площадей не могла принять не то что торговую зону, а даже пару гигантских машин бронекаравана.

Определив территорию, мегатраки выстраивались на ней порядком «крепость» – прямоугольником, но не сплошным, оставляя небольшие проходы для циркуляции товара. Внутренняя зона становилась запретной, в неё допускались лишь караванщики, и нарушение границы каралось смертью – по договорённости с Гильдией данное правило соблюдали все власти Зандра. Вокруг внутренней зоны ставились палатки, лавки и павильоны караванщиков, а уж за ними появлялись навесы местных торговцев, пытающихся заработать на шумной ярмарке.

– Самый бедлам начнется послезавтра, – бормотал Тредер, широко шагая к городским воротам Железной Девы. – Сегодня ярмарку ставят: паркуют меги, устанавливают лавки, распаковывают товар… торговли не будет. Завтра к гильдерам прибегут самые шустрые из местных топтунов, любители работать оптом. Сегодня они договариваются с Баптистом о кредите или ищут деньги в других местах, завтра скупят какой-нибудь показавшийся им дельным товар, причём скупят на корню, не позволят ему выйти на ярмарку, и торговлю начнут в последний день… А вот послезавтра до Девы доберутся фермеры со всего Котла, и здесь начнётся тот самый бедлам, о котором я говорю… Вот так-то, Надира.

Но девушка, скромно семенящая слева от седого, промолчала. И по её безразличному взгляду было совершенно непонятно, услышала она Тредера или нет.

Спутница Хакима вообще состояла из одних только «не» – неэмоциональная, неяркая внешне и совершенно несамостоятельная: шла, куда указывал седой, и безропотно несла довольно объёмистый рюкзак, в то время как Тредер утруждал себя лишь потрёпанной сумкой через плечо. Грязная рубашка и мешком висящий комбинезон – коричневый, с порванным и аккуратно зашитым карманом на правом бедре – скрывали фигуру девушки, а завершали одеяние грубые армейские ботинки на толстой подошве, каковые таскали все путешественники Зандра. Сальные волосы неопределённого цвета, кажется, светлые, но вряд ли кто-нибудь за то поручится, были кое-как собраны в хвост; лицо вроде бы приятное, но настолько чумазое, что желание рассматривать его сразу же исчезало, а самое главное – лицо Надиры было

расслабленным, слегка расплывшимся, безжизненным, каким оно бывает у людей с задержкой развития. Точнее, учитывая возраст девушки, у людей с умственными отклонениями.

– Говорят, здесь довольно дешёвая вода, но шиковать не будем – неизвестно, сколько нам придется прождать проводника. Мы проделали большой путь не для того, чтобы остаться без денег в этом глухом уголке. Мы должны экономить. – Седой вздохнул и прищурился на большую аляповатую вывеску: «Заводная Лиза». – Кажется, пришли…

*** * ***

«Время Света обожгло каждого из нас. Кого-то сильнее, кого-то слабее, но достало оно всех. И всех превратило в конченых эгоистов, думающих только о себе. Заботящихся только о себе. Готовых предать и убить ради себя. Не жалеющих ни родителей, ни детей. И хотя некоторые сбиваются в стаи, делают они это только ради себя – иногда в банде легче выжить, потому что стая падальщиков проживет дольше одинокого бандита. И убьёт больше.

Мы превратились в зверей.

Но мы не виноваты, чтоб нас всех на атомы разложило…

Долгое время у нас не было никакой цели, кроме одной – дожить до завтра. Найти еду. Не стать едой. Отбиться от преследователей. Спастись.

Долгое время мы выживали, и многие сохранили философию «убей или умри».

Зандр жесток. Зандр беспощаден.

Зандр требует крови, но… Но в нас, как это ни странно, осталась потребность делать добро. Делать не для себя. Или не только для себя.

Время Света превратило нас в зверей, но теперь, как мне кажется, мы потихоньку шагаем обратно. Мы начинаем напоминать людей…

Нет, я никого не идеализирую, даже себя и своих братьев-комби: мы разные, мы делаем много вещей, которые не следовало бы делать. Но у нас есть цель или, если хотите, хобби. Не важно. Важно, что мы делаем что-то не только для себя.

Важно, что мы выкладываем Атлас капитана Морте в свободный доступ…»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря)

Комби, закончившего дни в чреве Железной Девы, звали Брезентом, и диких веномов он повел к аттракциону из-за банальной жадности – они дали сотню радиотабл и десять золотых монет. Так, во всяком случае, было записано в комментариях к вложениям в Атлас, которые так же, как многим другим разведчикам, служили Брезенту дневником. И теперь всё это богатство оказалось разделённым между падлами блокпоста… С какого перепуга дикие веномы обозлились на Железную Деву, а главное, почему они повели себя столь глупо – не дождались ночи, пошли в рост на пулемёт, – Брезент не написал, пометил, что расскажет позже, но не успел. Он собирался удрать до начала атаки, и удрал – веномы мешать не стали, но опытный Штиль отправил трёх мотоциклистов прочесать окрестности, и бедолага Брезент оказался в лапах не остывшего после драки падальщика. А затем – внутри Девы…

«Зря он не застрелился… Должен же был знать, что в аттракционе Железной Девы не вешают…»

Гарик о Брезенте слышал, но и только – вместе не работали, хлеб не переламывали, а потому к горечи от смерти собрата личных ноток не добавилось. Был комби Брезент, а теперь его нет – вот и весь сказ. Зандр суров… Да и все там будем.

– Ты страшно умер, брат. – Визирь поднял стакан с крепчайшим пойлом, которое местные гнали чуть ли не из чёрного подорожника. – Верю, ты составишь для меня Атлас рая. Увидимся.

Стакан Гарик выпил стоя, крякнул, пропуская обжигающую жидкость внутрь, уселся на стул и открыл самый интересный раздел Атласа Брезента – его личные вложения.

– Посмотрим, что ты раскопал…

Время Света переломало не только людей, но и Землю.

Удары ядерным и тектоническим оружием загрязнили и перекроили континенты. Появились новые горы и моря, каньоны и пустыни, острова и проливы. В страшном калейдоскопе смешалось всё: зоны химического и биологического заражения, области вечных дождей и территории новых, ни на что не похожих джунглей. Старые поселения погибли, на свет явились новые; реки поменяли русла, а большинство попросту лишились их; среди камней таились в засаде новые животные, мир стал Зандром, и люди заблудились в нём.

Первое время их не особенно волновало происходящее за пределами убежища или района, в котором они умудрились выжить, первое время люди пребывали в шоке, но постепенно шок проходил, стала подниматься сеть, люди начали общаться, делиться информацией, впечатлениями, предупреждениями… И появился сайт Атлас, рассказывающий о произошедших на Земле изменениях.

Атлас фиксировал новые горы и вулканы, реки и поселения, береговую линию и манеру поведения жителей, очаги химического заражения, сезоны ядовитых дождей, радиоактивные зоны и направления миграции крупных банд падальщиков… Информация выкладывалась нечасто, была не очень подробной, но даже этих крупиц порой хватало для спасения жизни. Доклады таинственного капитана Морте помогали выжить, их ждали, а никому не известного парня, который счёл своим долгом подробно рассказывать о новой Земле, искренне любили. И удивлялись, как ему удается избегать страшных опасностей, о которых капитан рассказывал в отчётах. Удивлялись и произносили в его честь длинные тосты…

А однажды во всех тавернах Зандра вспомнили о знаменитом бродяге, но стаканы подняли молча и чокаться не стали.

Потому что Морте нашли в кабине старенького вертолёта, разбившегося в новых, ещё не описанных капитаном скалах. И тогда же стало понятно, как ему удавалось обходить смертельные ловушки и чувствовать опасность на расстоянии – капитан был комби, и благодаря имплантам из него получился едва ли не идеальный разведчик.

Морте выложил четырнадцать карт и подробно их прокомментировал.

А в течение первого года после смерти капитана его последователи, члены стихийно сложившегося Ядерно-Географического Общества, добавили к Атласу ещё двадцать семь исследованных районов, и дальше их количество неуклонно росло.

Комби нашли дело по душе.

Брезент оказался «тихим», а не «рисковым», комби. Он предпочитал работать проводником Зандра, а не лазить по опасным зонам, добывая новую информацию. Его Атлас старательно копировал содержимое главного сайта комби, и если бы не одно вложение, подробно описывающее северный сектор Поля Пьяных Петухов, Гарик счёл бы, что напрасно потратил егерские деньги на выкуп устройства.

А так комби получили хоть что-то…

Сегодня сеть в Железной работала вполне прилично, видимо, благодаря пришедшему бронекаравану. Визирь без привычного торможения вошёл в Атлас капитана Морте и сделал новое вложение, пометив, что автором является Брезент. Затем подробно описал обстоятельства, при которых заполучил чужое устройство, и предложил помянуть принявшего страшную смерть собрата.

На этом его долг был исполнен.

Гарик попыхтел трубкой, быстро проглядывая свои собственные, сделанные за последнюю неделю вложения, скинул три наиболее интересных в главный Атлас, но тут сеть легла, делать стало нечего, и Визирь, поразмыслив, спустился в большой зал – опрокинуть стаканчик.

В шумный, дымный и пьяный зал.

Оказываясь в Железной Деве, Гарик всегда останавливался в таверне «Заводная Лиза» по той простой причине, что принадлежала она лично Баптисту, без посредников, каковое обстоятельство гарантировало посетителям относительную безопасность. В том смысле, что стрелять в помещениях таверны категорически запрещалось.

К тому же у комби сложились отношения с Заводной, и в те дни, когда он действительно оказывался на мели, ему открывали кредит, что было редчайшим для Зандра случаем.

– Как всегда?

– Да.

Визирь огляделся и с неудовольствием отметил, что приход бронекаравана изменил привычный контингент заведения. И увеличил его минимум втрое. В аттракцион стянулись все обитатели Котла, у которых водились деньги или имелся товар, который можно было обратить в деньги, а за ними подтянулись почуявшие запах добычи падальщики. Вольные падальщики, уважающие Скотта Баптиста, но не подчиняющиеся ему.

И Гарик не сомневался, что этой ночью в заведении обязательно появятся трупы.

– Ты чего-то нервный, – заметил Джек-Дэн, подвигая разведчику стаканчик с «подорожной»: местные любили щегольнуть легендой, что настаивают пойло на ядовитом растении. – Случилось чего?

– Штиль загнал в Деву комби.

– Слышал, – подтвердил бармен. – И что?

Действительно: и что? Для обитателей аттракциона Брезент был врагом, ведь именно он привёл к Железной диких веномов, а значит, получил по заслугам. Страшная смерть стала справедливым, по мнению бармена, наказанием.

– И что?

– Нас мало, – негромко протянул Гарик.

– Не нужно было связываться с веномами, – пожал плечами Джек-Дэн. Поразмыслил и добавил: – Но на твоем месте я бы подумал о себе.

– Никогда не иду на сделки с веномами.

– А я не о них, – хмыкнул Джек-Дэн. – Энгельс привёз ярмарку, и все банды Котла стянулись в аттракцион…

На этот раз намек оказался достаточно толстым, чтобы комби понял, что имеет в виду бармен.

– Бампер здесь? – осведомился Визирь, доставая кисет.

– Ага, – подтвердил Джек-Дэн. Несмотря на то что народу в заведении не убывало, он продолжал болтаться рядом с разведчиком, сбросив заботы по спаиванию посетителей на помощников. – Уже дважды проходился на твой счёт, но вряд ли рискнёт устраивать бузу в аттракционе.

– Шестерок натравит, – поморщился Гарик, раскуривая трубку.

– Ты знал, на что шёл, когда тащил в койку Карину, – хихикнул бармен.

Знал… Но как раз тогда, больше года назад, у Бампера возникло серьёзнейшее недопонимание с Баптистом, и Визирь искренне надеялся, что главарь одной из банд вольных падальщиков не выживет. Надежда не оправдалась. Несколько месяцев Бампер бегал от Баптиста по всему Котлу, даже на сопредельные территории, случалось, уходил, но всегда возвращался, не желая покидать привычную среду обитания. В конце концов они договорились, помирились, и Визирь оказался в дурацкой ситуации.

– Надо было дождаться, когда его убьют, – философски произнес Джек-Дэн.

– Надо, – не стал отрицать комби, пыхнув трубкой.

Ветреной Карине ничего не грозило: все женщины аттракциона, и проститутки, и честные, находились под защитой Скотта, такой вот у Баптиста был пунктик. Бампер, так же как все обитатели Весёлого, об этом знал и заявил, что на Карину не в обиде: женщина по определению слаба на передок, не устояла. А вот Гарику-совратителю главарь падальщиков во всеуслышание пообещал отрезать то, чем было нанесено оскорбление, после чего засунуть в Железную Деву.

– Здесь кто-то всерьёз опасается Бампера?

Услышав за спиной грудной женский голос, Визирь не повернулся, но ответил:

– Поцарапал передний о камень, хочу поменять.

– Ещё не поцарапал, только собираешься, – прищурилась Заводная, положив руки на плечи комби. – Здравствуй, дорогой.

– Здравствуй, милая. – Он наконец повернулся и крепко поцеловал женщину в губы.

Бармен деликатно отвернулся.

– Как твои дела? – Заводная присела на соседний табурет, и комби с удовольствием накрыл ладонью её руку. Ему было приятно прикасаться к этой женщине. И вдвойне приятно от того, что все вокруг это видят.

– Отлично.

– Надолго к нам?

– На ярмарку.

– И всё?

– Дальше – как пойдёт.

– Вечно у тебя так.

– Что делать: жизнь разведчика – дорога.

Лиза не была красавицей. Невысокая, склонная к полноте… ещё не раздобревшая, но «кругленькая»… она могла оставаться незаметной, однако была именно заводной, энергичной, деятельной и тем привлекала. В её зелёных глазах, как правило, горел огонь, а с лица редко сходило приветливое выражение. За это Лизу любили и ценили.

– Видел Бампера?

– Не знаешь, кто-нибудь из аттракциона ждал егеря? – Гарик намеренно перевёл разговор на другую тему.

– Я жду, – тут же ответила Заводная.

– Ты заказала «баскервилей»? – удивился разведчик. – Зачем?

– Баптист велел.

– А-а… – Комби знаком показал бармену, что нужно повторить, и с приличествующей случаю грустью поведал: – Егерь не приедет: я нашёл его мёртвым в десяти километрах к северу.

– Что случилось?

– Парень перебрал синей розы и получил сердечный приступ.

– Жаль… Макар был хорошим… Смешным… – Женщина сделала глоток коктейля. – А «баскервили»?

– Оголодали и устроили засаду.

– Ты их пострелял?

– Пришлось, – развел руками комби.

– Один шестерых псов? – изумилась Заводная.

– Да…

– Врёт, конечно! – вдруг прозвучало за спиной Лизы.

– Вонючая отрыжка… – пробормотал бармен, делая маленький шаг назад.

– Все комби – лжецы. – Подошедший Бампер растолкал посетителей, уселся на табурете слева от разведчика, но говорить продолжил с женщиной: – Разве ты не знала?

Позади падальщика встали два мордоворота. Эскорт.

– Я знаю другое – Баптист запретил входить в мое заведение с оружием. – Лиза кивнула на торчащую из открытой кобуры пистолетную рукоятку. – Забыл?

– Это моя любимая зажигалка, – осклабился Бампер.

– Смотри не обожгись.

– Заводная, ты мне угрожаешь? – удивился падла.

– Дать тебе фишек? – осведомилась женщина. – Сегодня у меня играют по-крупному, как ты любишь.

В соседнем зале стояла рулетка и два стола для карт.

– Я только что оттуда.

– Выиграл?

Заводная очевидно пыталась замять назревающий скандал, однако её усилия пропали даром.

– Лиза, – притворно удивился Бампер, – тебе самой не противно его прикрывать? – Презрительный кивок в сторону комби. – Защищать? Как можно спать с тем, кто прячется за спину подруги?

– Я готов уладить наше недопонимание честными извинениями, – твёрдо произнес Визирь, посмотрев падле в глаза. – Я поступил очень глупо и зря провёл время с Кариной. В тот момент я был пьян, не понимал, что делаю, но это меня не извиняет. Я был не прав, признаю и при всех приношу тебе извинения.

Судя по тому, что после речи разведчика в зале установилась тишина, многие посетители «Заводной» зорко следили за развитием скандала. Народ знал о «недопонимании» между комби и падлой, народ ждал драки, и некоторые печально выдохнули, решив, что бесплатное развлечение сорвалось. Однако никто не расходился, ведь всё могло измениться в один момент, да и Бампер считался неспособным на компромиссы отморозком.

– То есть ты признаёшь, что вёл себя как самый настоящий идиот? – наслаждаясь всеобщим вниманием, поинтересовался падальщик.

– Признаю, – ровно ответил комби.

– И я тебя прощаю…

Брови Джек-Дэна удивленно поползли вверх, Лиза едва заметно выдохнула, но падла, как выяснилось, не закончил.

– …однако яйца тебе всё равно отрежу. – Кто-то в зале хихикнул. – Извини, трусливый комби, я дал слово. – Бампер повернулся к Заводной и театрально продолжил: – И ты извини.

Теперь кто-то громко расхохотался.

– Без этого никак? – тихо спросил Гарик.

– Нет, – развёл руками Бампер. – Но раз уж ты извинился, то я оставлю тебя в живых. Примером, так сказать, для тех, кто рискнёт…

– Сам отрежешь? – нарочито громко, перебивая разговорившегося бандита, спросил Визирь.

– Что? – не понял Бампер. Он не ожидал подобного вопроса, и потому прозвучала короткая фраза по-дурацки. Да к тому же дала Гарику прекрасную возможность для удара.

– Угрозу сам исполнишь или поручишь кому? – В голосе разведчика появились издевательские нотки. – Например, Карина рассказывала, что поднимать своё достоинство ты поручаешь квадратным розовым таблеткам… Неужели правда?

А вот теперь в зале стало совсем тихо. Абсолютно. Заткнулись хихикавшие, заткнулись хохотавшие, заткнулись даже те, кто негромко переговаривался в дальнем углу. Заткнулись и подтянулись в главное помещение игроки. Даже мухи, вечные спутники питейных заведений, прекратили жужжать.

«Ты спятил?» – одними губами произнесла Заводная.

– Теперь мне придётся тебя трахнуть, мальчик, – медленно произнёс падальщик. Его пальцы подрагивали от сдерживаемого бешенства. – Чтобы все убедились, что мне розовые квадраты без надобности.

– Любишь мальчиков? – Визирь выдал презрительный смешок. – Не зря говорят, что банды вольных падл на самом деле – большие семьи…

Кулак у Бампера оказался на удивление тяжёлым. То ли главарь падальщиков был обладателем встроенного киберпротеза, то ли действительно был так крепок, как выглядел, – неизвестно. Зато известно, что пропустивший удар Гарик стартовал от стойки с энергией космической ракеты и его столкновение с ближайшим столиком походило на взрыв: звон битой посуды, улетающие бутылки, сломавшийся стул, недовольные вопли…

– Я тебе покажу – семью! – рявкает Бампер. А его эскорт рвётся вперёд, желая поскорее растоптать упавшего врага. – Ты у меня…

Губы разбиты в кровь, в голове шумит, перед глазами плывёт, но комби ухитряется врезать левому падальщику по колену – из положения «лёжа», – откатиться, уходя от удара правого, подскочить на корточки и следующий выпад заблокировать руками. Всё-таки усиленные конечности – большое подспорье в сложной жизни разведчика.

Хрясь!

Визирь не просто блокирует удар ногой, он успевает чуть крутануть падлу, и бандит летит лицом на пол.

Вопль.

Мозг отмечает, что пока всё хорошо, но отвлекается не сильно и уж точно не расслабляется, поскольку жизнь по-прежнему на волоске.

Левый падальщик, тот, что пару секунд назад получил по колену, пришёл в себя и замахивается ножом. Визирь ужом скользит под рукой противника и отвечает, точнее, опережает падлу ударом появившегося в руке клинка. Причём комби не тычет своим оружием абы как, а точно бьёт в заранее просчитанную точку, добираясь до бедренной артерии врага.

Вскрик. Хрип. Красное обильно поливает пол…

– Гарик!

«Наконец-то!»

Комби ждал сигнала с самого начала драки, а потому готов: резко вскакивает на ноги, подхватывает ещё не упавшего падлу и разворачивает его к стойке. И всё – одним движением. И только поэтому две пули из пистолета Бампера влетают не в разведчика, а в импровизированный щит.

Грохот.

А меньше чем через мгновение – ещё два выстрела. И спокойно произнесенная в тишине фраза:

– Моё слово крепко.

«Баптист!»

Визирь знал, что в него хозяин аттракциона без предупреждения стрелять не станет, но всё равно действует быстро: роняет мёртвого падальщика, роняет нож и поднимает руки:

– Я только защищался.

Какая-то женщина издаёт нервный смешок, но в целом посетители не спорят, молчаливо подтверждая, что скандал затеял не разведчик, а его оппоненты.

Теперь все трое мертвы.

Скотт явился вовремя: охранники заведения, несмотря на действующие правила, вряд ли бы рискнули затеять перестрелку со столь авторитетным падальщиком, как Бампер, и комби пришлось бы класть врага лично, что могло привести к неприятным последствиям в виде выстрела в ногу. Сейчас же ситуация выглядела практически идеально: Визирь избавился от врага, Баптист избавился от врага, и оставалось решить, как соблюсти приличия.

– Кто был зачинщиком? – приступил к «расследованию» Скотт.

– Смотря в какой момент, – вздохнула Заводная. – Если сегодня, то Бампер. Если год назад…

– Все знают, что случилось год назад, – оборвал помощницу Баптист. – Нет смысла повторять.

– Как скажешь.

Хозяин аттракциона бросил на Лизу быстрый и не очень довольный взгляд – женщина выдержала его, – после чего вернулся к разведчику:

– Насколько ты хотел задержаться?

– Дней на пять, – ответил тот, продолжая стоять с поднятыми руками. – На время ярмарки.

– Уйдешь до завтрашней полуночи и не появишься в Железной Деве полгода, – решил Баптист. – Если появишься – убью тебя лично.

Учитывая обстоятельства – ведь Скотту ещё предстояло «улаживать дела» с бандой Бампера, – наказание оказалось более чем мягким.

– Я понял, – кивнул разведчик.

– Очень хорошо. – Баптист бросил на Заводную ещё один, весьма многозначительный взгляд и распорядился, кивнув на трупы: – Приберитесь, у нас приличное заведение…

«Проклятье!»

Знал ведь, знал, что эта дверца – зеркальная. Всегда знал и всегда контролировал себя – не смотрел. Сколько раз был в этой спальне – даже взгляда на дверцу не бросил. Ни разу не бросил. И вдруг – посмотрел.

– Ты вздрогнул, – заметила лежащая рядом Лиза.

– Задумался.

– О чём?

– Я…

Визирь неопределённо пожал плечами.

Наверное, о том, что не любил своё отражение. Себя любил, а отражение – нет, такой вот получается анекдот. Странный. Непонятный. Потому что отражение у Гарика было вполне нормальным, в стиле комби. Конкретно в настоящее время – в стиле «комби расслабился».

Длинные чёрные волосы обычно стянуты в хвост, но сейчас распущены, свободно падают на лицо и плечи… Лизе нравится играть с его волосами, запускать в них тонкие пальцы, гладить… Но длинными волосы были только сверху, виски выбриты наголо и ещё до Времени Света обработаны химией так, что больше там ничего не росло. На левой стороне свободное место сначала украшала татуировка клана комби, к которому до войны принадлежал молодой Визирь, а теперь – воздушный шар, баллоном которому служил глобус, символ Ядерно-Географического общества. Правая же сторона головы была «технической», сюда вживлялись и отсюда обслуживались импланты. В том числе – правый глаз, который у Гарика был на сто процентов искусственным, обеспечивающим необычайную остроту зрения и возможность напрямую передавать изображения в компьютер. Правая сторона головы, висок и часть лобной кости Визиря были переделаны ещё до войны, и когда-то его облик считался элегантным и современным. Считался образцом работы превосходного комби-мастера.

А сейчас Гарику не нравился.

Может, именно потому, что напоминал о жизни до Времени Света?

Ещё один кожух находился в левом боку комби и защищал микрогенератор Таля, топливными элементами для которого служили маленькие круглые блоки, именуемые на сленге «радиоактивными таблетками» – радиотаблами. От микрогера же питались все внутренние, спрятанные под оригинальной плотью киберпротезы Гарика и все устройства, превращаю-

щие его в комби… Комбинированного человека… Как писали в старых рекламных плакатах: «Человека будущего»…

Романтические устремления, юношеское бунтарство, а также умелое воздействие опытных маркетологов на незрелый ум привели к тому, что теперь Визирь смотрел на своё отражение без всякой радости. И удивлялся, как мог когда-то гордиться тем, что стал комби на сорок два процента…

– Мне опять снились Нетронутые острова, – произнесла Лиза, поняв, что на предыдущий вопрос Гарик отвечать не собирается. – Там не было Времени Света, химических и биологических атак, землетрясений… Не было ничего из того, что накрыло нас… И люди там остались добрыми, настоящими… Они даже не знают, что случилась война. Они живут, как раньше: ловят рыбу, чинят снасти, собирают с деревьев фрукты, купаются в тёплых лагунах и холодных горных озёрах, а по вечерам выходят на берег, садятся на песок и смотрят на закат. И спрашивают друг друга: «Почему к нам давно никто не приплывал?» И отвечают друг другу: «Наверное, люди материка заняты важными делами…»

Она судорожно передохнула. Показалось – вот-вот заплачет, и Гарик нежно обнял женщину за плечи, прижал, едва слышно спросил:

– Хотела бы уехать?

– С тобой? – прошептала Лиза, всем телом прижимаясь к своему мужчине.

– Одну я тебя не отпущу.

Она улыбнулась. И глубокая печаль смешалась в её улыбке со счастьем женщины, знающей, кого она хочет видеть рядом.

Как это ни странно, но Заводная долго не уделяла Визирю никакого внимания, точнее, уделяла, но не больше, чем другим: они иногда болтали ни о чём, иногда отчаянно торговались, иногда ругались, но ни разу между ними не мелькала та искра, о которой любят рассказывать романтически настроенные поэты и писатели. Гарик к Лизе тоже не подкатывал: всё-таки одна из помощниц хозяина аттракциона, управляющая серьёзным заведением имени себя самой, хоть и улыбчивая, но жёсткая, твёрдая… Гарик соблюдал нейтралитет, но история с Кариной всё изменила. Узнав, что комби, в лучших традициях авантюрных романов, наставил рога злобному бандиту, Лиза при первой же возможности затащила Визиря в койку… И с тех пор они не расставались.

Может, именно той жаркой ночью их и обожгла искра?

– Жаль, что Нетронутых островов не существует, – вздохнул разведчик.

– Атлас несовершенен, – тихо откликнулась Заводная.

– Согласен…

– Тогда не говори о том, чего не знаешь, – захлопнула ловушку женщина. – Нетронутые острова существуют, только до них ещё никто не добрался.

– Ты действительно веришь? – удивился Гарик, не ожидавший такого от умной и предельно прагматичной Лизы.

– Они мне снятся, – спокойно ответила Заводная. – А мне никогда не снится то, чего нет.

И столько убеждённости прозвучало в её голосе, что ошарашенный комби проглотил едва не слетевшую с языка шутку. Вздохнул, останавливая себя, и очень-очень проникновенно, почти нежно, спросил:

– Почему ты не хочешь найти остров где-нибудь здесь?

– В аттракционе?

– Например.

Лиза улыбнулась. На этот раз – просто грустно.

– Гарик, ты лучше меня знаешь, насколько опасна жизнь в аттракционах. В Железной Деве всё зависит от Баптиста. Сейчас он крепок, держит Котёл в ежовых рукавицах, но кто знает, что будет дальше – его могут съесть.

– Всех могут съесть, – пробубнил Визирь, однако не был услышан.

– Или же Скотт окончательно спятит от синей розы, которую нюхает всё чаще, и сам нас пристрелит. Или… – Она помолчала, после чего покрутила головой: – Нельзя начинать новую жизнь там, где прошла старая.

– Нетронутых островов не существует. Простая логика…

– Плевать на логику! – отрезала Заводная. – Говорят, в портах Днища можно сесть на корабль, идущий на юг. Капитаны требуют огромные деньги, но путешествие того стоит…

– К Нетронутым островам?

– Да. – Лиза приподнялась на локте и в упор посмотрела на мужчину. – Неужели тебе не надоел Зандр?

И он снова отвернулся к зеркальной дверце шкафа.

Он не любил своё отражение, но лучше смотреть на него, чем в глаза женщины, которая верит в тебя больше, чем ты веришь сам в себя.

* * *

– Рабыня? – осведомился Скотт, пристально глядя на безмятежно улыбающуюся Надиру. Сегодня у девушки было хорошее настроение, и потому она не стояла с обычным отрешённым видом, а улыбалась. Впрочем, придурковатая гримаса говорила о состоянии ума девушки так же хорошо, как традиционное для неё выражение тупого равнодушия.

– Там, откуда я пришёл, рабство запрещено, – тут же сообщил Хаким, нервно поглаживая правую, слабую руку, которую поддерживал слишком маленький, не по размеру, киберпротез.

– Не запрещено, а не поощряется, – уточнил Баптист.

Он хорошо знал правила Зандра.

– Верно, – после секундной паузы согласился Тредер. – Прямого запрета не существует, но только потому, что люди…

– Так это твоя рабыня?

– Да, – сдался седой. – Её жизнь принадлежит мне.

Иногда приходится оперировать теми понятиями, которые собеседнику ближе.

– Как зовут? – повеселел Баптист. – Имя у неё есть?

– Надира.

– Продаёшь?

– Э-э… – Хаким замялся, и пальцы его левой, здоровой руки принялись выбивать на протезе тревожную дробь. – Надира не столько рабыня, сколько воспитанница, добрый господин. Я подобрал несчастную сразу после Времени Света и с тех пор забочусь о ней…

– Представляю, как! – расхохотался хозяин аттракциона, и падальщики из свиты поддержали главаря верноподданным ржанием.

Тредер побледнел. Надира продолжила улыбаться окружающим, в уголке её губ пузырилась слюна.

Баптист встретил седого путешественника во время обязательного утреннего обхода ярмарки, в сопровождении вооружённой охраны, баши и трёх старших гильдеров каравана. Они задерживались у каждой палатки, под каждым навесом, и хозяин аттракциона получал исчерпывающий рассказ о выставленных товарах. Если проявлял интерес, разумеется…

К Тредеру проявил. Седой зачем-то вернулся в мегатрак, а когда покидал внутреннюю зону, попался на глаза Энгельсу, решившему немедленно исполнить обещание и представить спутника хозяину аттракциона. Который в ожидании богатых даров – обязательной части программы – изволил пребывать в игривом настроении.

– Девчонка говорит? – отсмеявшись, осведомился Скотт.

– Плохо.

– То есть только мычит, когда ты её пялишь…

Еще один взрыв хохота.

Стоящий рядом с Баптистом Мухаммед криво улыбнулся, изобразив подобие веселья, но, улучив момент, наклонился к Скотту и прошептал:

– Дружище, поверь на слово: Хаким относится к Надире, как к родной дочери, которой у него никогда не было. Он нашёл её в развалинах, спас, и с тех пор…

– Твой друг добровольно взвалил на себя такую ношу? – Сам Баптист занялся мародёрством и сколачиванием банды ещё до того, как взорвались последние ракеты, и поведение седого вызвало у него закономерное удивление.

– Да, добровольно, – подтвердил Мухаммед.

– Твой друг – дурак.

– Я не один раз говорил ему об этом. Напоминал, что он не сможет выдать Надиру замуж, получить калым…

– А он?

– Продолжает о ней заботиться.

Прежний Баптист, жестокий и безбашенный главарь падальщиков, продолжил бы издеваться над седым и наверняка убил бы его, но уважаемый хозяин аттракциона, приветствующий уважаемого баши, поставившего в городе большую ярмарку и имеющего серьёзный вес в могущественной Гильдии, не мог позволить себе подобное буйство. Приходилось сдерживать инстинкты.

– Твой друг – странный, но он – твой друг, – важно произнёс Скотт, глядя Мухаммеду в глаза. – И он может оставаться в моем аттракционе так долго, как ему нужно.

– Благодарю, уважаемый, – склонил голову Энгельс. И поспешил перевести разговор на приятную главарю падальщиков тему: – Не угодно ли будет пройти в мой мегатрак? Там тебя ожидает небольшой сюрприз…

– Попробуешь товар? Классический наногероин по довоенному рецепту! Лаборатория работает меньше года, а ребята уже купаются в радиотаблах…

– Нет, спасибо.

– Первый укол бесплатно.

– Не для меня.

– Всё равно подыхать.

– Знаю…

Но лучше сдохнуть от пули или ножа падальщика, чем от дряни, которой послевоенные химики наводнили Зандр. Наногероин считался настолько большой гадостью, что его даже пытались запрещать. Правда, как это сделать в условиях Зандра, никто не знал, но попытки были, хозяева многих крупных городов целенаправленно вешали распространителей именно этого наркотика. Закрывая глаза на «мирных» продавцов синей розы и прочего дерьма.

– Лучший выбор зигенского оружия!

– Довоенные стволы есть? ИЖ или «дегтярёв»?

– Три палатки налево, там торгует мой племянник.

– Спасибо.

– Не в моих правилах давать наводку на конкурентов, но у племянника действительно хороший товар.

Обычно Визирь планировал основные дела на второй день ярмарки, на самый сладкий. Первый день – премьерный, суетливый и малолюдный. Топтуны пытаются вышибить хоть какой-то товар оптом, гильдеры осматриваются, оценивают платёжеспособность населения, состояние, так сказать, экономики области, местных почти не видно, только детвора бегает среди палаток заезжих купцов, пытаясь стащить, что плохо лежит. Первый день – осторожный.

А со второго начинается суматоха и бардак. Предложений полно с обеих сторон, но гильдеры уже не осторожничают, они пока в плюсе, потому что сбросили топтунам балласт, выдав его за нужный товар, и могут себе позволить дать за хабар комби нормальные цены.

Во второй день.

Но сейчас всё иначе. Поскольку времени у него лишь до полуночи, разбираться с делами придётся в премьерный день, а не тратить его, как это обыкновенно бывало, на изучение гильдеров, выбирая самого адекватного и щедрого.

К тому же действовать приходилось в жутком цейтноте: нужно было договориться с покупателем до того, как местные расскажут караванщикам о его обстоятельствах, после чего придётся снижать цену. А в том, что расскажут, Гарик не сомневался: обитатели аттракционов не упускали случая подгадить ближнему.

– Разведчик или проводник? – осведомился усатый гильдер, потеющий под голубеньким навесом.

– И то и другое.

– Продаёшь или покупаешь?

– И то и другое. – Потный торговец Гарику не понравился, однако он знал, что под маской грубого хама вполне может скрываться толковый делец, и задержался. – Почему спрашиваешь?

– Есть отличная прога для встроенного спектрометра, – высокомерно сообщил потный. – У тебя есть спектрометр, комби?

– Есть.

– Вот и договорились.

– О чём?

Однако вопрос разведчика повис в воздухе: потный слышал только себя.

– На обмен не рассчитывай, я беру только радиотаблы и не стану делать для тебя исключения…

– Ты забавный, – рассмеялся Гарик.

– Что?

Возможно, усатый сообразил, что переборщил с высокомерием, возможно, хотел продолжить разговор в другом ключе, но Визирь уже прошёл дальше. На этот раз он ошибся, и глупый хам на самом деле оказался глупым хамом.

– Эй, комби, принёс чего горячего? Рентген на триста?

– Мелочами не занимаюсь, – отшутился разведчик.

– А больше я не потяну.

– Тогда и разговора нет.

На ярмарках Визирь продавал серьёзный хабар, тот, который не по карману местным, и потому был вынужден вести себя осторожно, придирчиво выбирая делового партнёра – речь шла о больших деньгах.

– Ты больше разведчик?

– Как догадался? – тут же среагировал Гарик.

– По загару.

– Смешно.

– Давай лучше посмеёмся над тем, что ты предлагаешь честным торговцам.

Этот гильдер Гарику понравился: весёлый, вальяжный, видно, что опытный делец и обманщик, хорошо разбирающийся в людях. Общаться с такими ребятами тяжело, но, как это ни странно, именно они часто дают самую достойную цену – потому что умеют перепродавать хабар гораздо лучше коллег.

– Чем платишь? – поднял брови комби.

– Могу устроить обмен на что угодно.

– У меня полный комплект. А вот товар сбросить нужно.

– Радиотаблы?

Визирь молча прошёл в глубь навеса, присел на расстеленный ковёр и расстегнул рюкзак.

– Откуда товар?

– Из Франко-Дырок.

На низеньком столике клиентов поджидал изящный чайный комплект, горячий нагреватель и маленькое блюдо с простым печеньем. Гильдер знал, как вести дела, и, поддерживая разговор, занялся приготовлением чая.

– Один ходил?

– Я всегда один.

– Ты Визирь? – Торговец проявил подозрительное знание и поспешил объясниться: – Собравшись в Весёлый Котёл, я прочитал вложения о нём и окрестностях в Атласе Морте, и…

– Да, я – Визирь, – кивнул комби.

– Уважаю тебя, парень, – серьёзно произнес гильдер, подавая разведчику чашку с ароматным зелёным. – А твои комментарии я воспринимаю, как книгу.

– Очень приятно.

– Надеюсь, приятность твоего сердца приведёт к приличных размеров скидке… Кстати, меня зовут Ганимах.

– Почему мы раньше не встречались?

– Я впервые иду с Энгельсом.

– Тогда понятно.

– Что у тебя есть?

– Для начала – нановарщик. – Визирь извлёк из рюкзака коробку, аккуратно вскрыл её и показал гильдеру устройство, создающее микроскопические дозы сверхмощных наркотиков.

Удивить не получилось.

– Модель «Чубай», – разочарованно вздохнул Ганимах.

– К тому же немного ржавая, – честно уточнил комби.

– «Чубай» – самая дрянная модификация нановарщиков, – наставительно произнёс торговец. – Ресурсов жрёт много, а на выходе – ерунда. Продай местным.

– В Котле плохо с химией, – объяснил Визирь. – Здесь ни одной лаборатории, и вся область сидит на синей розе. А там, где есть доступ к химии, у тебя даже «Чубая» с руками оторвут. Он же оригинальный, довоенный, нынешние модели ещё хуже.

– Тут ты прав, – признал после короткой паузы Ганимах. – Он рабочий?

– Есть тестирующая прога на компе?

– Обижаешь. – Гильдер вытащил из заднего кармана штанов планшет, подключил его к «Чубаю», через тридцать секунд расплылся в улыбке: – Всё в порядке. – И посмотрел на рюкзак с куда большим интересом. – Что ещё?

– Десять патронов «Хиросима».

– Снаряжённые? – Ганимах бросил вопрос легко, словно от мухи отмахнулся, но электронные чувства комби обмануть сложно: Визирь отметил слабое, на грани восприятия, дрожание голоса и то, как дёрнулись – тоже едва заметно – пальцы торговца.

У караванщика были клиенты на редкое снаряжение, причём клиенты щедрые, и это обстоятельство придало разведчику уверенности.

– Естественно, снаряжённые. Неужели ты думаешь, что я предлагаю гильзы?

– Я хотел услышать.

– Ты услышал.

– Откуда у тебя патроны?

– Нашёл подсумок анарха.

– Только подсумок? – чуть разочарованно протянул Ганимах.

– Парень сорвался с тропы, схватился за корни дерева, стянул пояс, наверное, хотел закрепиться, но не удержался и улетел, – рассказал комби. – Пояс зацепился за тот же корень, и я его достал.

– То есть «Толстый Мэг»…

– Лежит на дне пропасти.

– Жаль. – Гильдер испытующе посмотрел на Гарика, словно предполагал, что комби лжёт. – За «Мэга» я отвалил бы тебе кучу радиотабл.

– Знаю.

– У тебя его нет?

– Знал бы, что спросишь – сиганул бы в пропасть вслед за анархом.

– Здесь все такие шутники?

– Разумеется, – не моргнув глазом подтвердил Визирь. – Поэтому Котёл и называют Весёлым. Патроны возьмёшь?

– Обязательно. Но в следующий раз не поленись слазить в пропасть – можно здорово заработать.

– Обязательно.

В действительности Гарик не понимал людей, мечтающих заполучить в свои руки главное и самое известное оружие бойцов синдиката «Анархия».

Сверхтяжёлый револьвер «Толстый Мэг» стрелял особыми патронами невероятной разрушительной силы – каждая «Хиросима» содержала микроскопический ядерный заряд, – и был известен случай, когда пара хорошо подготовленных анархов уничтожила танковый батальон соборников. Однако «Толстые» обладали удивительно надёжной системой распознавания «свой-чужой», настраивались на хозяина по широчайшему спектру показателей и бодренько взрывались в руках незарегистрированных пользователей.

Тем не менее за револьверами охотились, не оставляя надежд когда-нибудь взломать уникальную защиту анархистов.

Визирь закрыл рюкзак, но даже не обозначил желания подняться на ноги. Медленно потягивал чай и весело смотрел на Ганимаха оригинальным глазом. Второй, электронный, тоже пытался изобразить чувства, но получалось так себе.

– Сейчас ты выложишь на стол главную карту, – хмыкнул гильдер, заваривая второй чайник. – Говори, после «Хиросим» я готов к любому предложению.

– Три индивидуальных защитных комплекта «Вакуум», – медленно и потому необычайно веско произнёс комби. – Довоенные, в неповреждённой заводской упаковке. Класс защиты – «ААА», а ты наверняка знаешь, что даже дотовцы обходятся «АА».

– Картриджи запасные есть? – Ганимах без всякого стеснения облизнул губы: в данных обстоятельствах глупо «держать лицо», делая вид, что речь идёт о безделице.

– По два в комплекте.

– Где? – Торговец сглотнул и театрально оглядел комби. – Ты рассовал их по карманам?

– «Вакуумы» в надёжном месте. Если договоримся, принесу все три кейса через двадцать минут.

– Конечно, договоримся! – Ганимах потрепал разведчика по плечу. – Ты только что стал богаче на триста радиотабл.

– Предлагаешь триста за комплект? – Гарик рассчитывал на меньшее.

– Предлагаю триста всего, – без тени смущения ответил торговец. – За весь твой хабар.

Визирь улыбнулся и облокотился на рюкзак, готовясь к долгой и увлекательной процедуре заключения сделки.

В итоге за всё получилось тысяча триста, даже больше, чем надеялся выдавить из гильдера Визирь. То ли у торговца были на примете клиенты на весь предложенный комби товар,

то ли на него помутнение нашло, но факт оставался фактом: заплатил Ганимах щедро, и теперь в заначке разведчика лежала совершенно неприличная сумма. В двух заначках, если быть до конца точным. Большую часть сбережений комби прятал в горах, но изрядная куча радиотабл – теперь примерно треть – оказалась на руках, что в Зандре, и уж тем более в аттракционе, категорически не приветствовалось, однако комби уже придумал, как ею распорядиться…

– Извините, вы – Визирь?

На счастье нежданного гостя, точнее – нежданных гостей, поскольку рядом с седым мужчиной средних лет стояла грязнушка с одутловатым лицом, – Гарик уже закончил с горячим и теперь ковырялся в яблочном пироге, запивая его невкусным кофе. Комби не любил сладкое, но всегда заказывал пирог перед походом – на удачу. И во время десерта охотно соглашался поболтать.

– Кто спрашивает?

– Позволите присесть?

Визирю понравилось, как говорит седой: вежливо, но спокойно, с чувством собственного достоинства, и он решил, что даст ему шанс высказаться. Но не сразу.

– Зачем вам присаживаться?

– Вы знаете Танцора? – вопросом на вопрос ответил седой. – Этот комби работает в области Жжёной Пыли…

– Ты – доктор Тредер?

– Совершенно верно.

– Танцор писал, что ты придёшь. – Гарик ткнул вилкой в пирог.

– Теперь я могу присесть?

– Рабыня? – Разведчик, не глядя, кивнул на девушку.

– Воспитанница. – Седой решил не ждать приглашения и молча опустился за столик. Девушка осталась стоять за его спиной. Она играла в ниточку: наматывала её на палец, что-то шептала, разматывала и начинала заново.

– Зачем взял дурную?

– Мы не выбираем тех, о ком заботимся.

Именно так и написал в своем письме Танцор: старый, глупый дед, тратящий силы на никчёмную девчонку. Дурак, потому что Зандр такого не одобряет.

Надо помочь.

Не бесплатно, конечно, но помочь надо, потому что у седого, как написал Танцор, «такие обстоятельства, в которых никому из нас лучше не оказываться». А Танцор подобными словами не разбрасывается, и если он написал, что у парня, пережившего Время Света и всё, что было потом, случилась катастрофа, значит, так оно и есть.

– Танцор написал, что тебе нужно в Безнадёгу.

– Верно.

И тут крылась вторая странность происходящего. Первая заключалась в том, что угрюмый Танцор вообще замолвил словечко за никому не известного старика со спятившей спутницей. Вторая – в том, куда они направлялись.

– Мне ведь не нужно рассказывать, что Безнадёга – самый дерьмовый аттракцион Зандра? – негромко спросил комби, вилкой разламывая напополам последний кусочек пирога.

– Я много слышал о месте, в которое собираюсь, – усмехнулся в ответ седой.

В принципе, можно было заканчивать: ритуальное предупреждение сделано, ответ получен. Однако странные обстоятельства заставили Визиря продолжить:

– Не имеет значения, сколько аттракционов ты видел до сих пор – Безнадёга не похожа ни на один. Её построили обезумевшие от злобы и ненависти палачи. Там логово папаш, работорговцев, но убивать людей им нравится больше, чем торговать ими. Обитатели Безнадёги настолько плохи, что даже падальщики называют их подонками.

– Мне туда надо, – коротко ответил Тредер.

И по его тону стало понятно, что решение принято и никакая сила его не изменит.

Комби кивнул, показывая, что понял и принял слова собеседника, доел последний кусочек пирога, отодвинул тарелку, вытер рот тыльной стороной ладони, указал на киберпротез собеседника и осведомился:

– Сможешь идти по горам?

– Да.

– Устройство тебе плохо подходит.

– Я привык. – Седой погладил киберпротез. – Давно с ним хожу.

– А твоя воспитанница горы потянет?

– Да.

– Точно?

– Я знаю правила Зандра, – выдержав паузу, ответил мужчина. – Если она станет обузой, ты её бросишь.

Всё верно – только так.

Гарик снова кивнул и продолжил:

– Ты понимаешь, что в Безнадёге тебя убьют?

– Ты выжил, – ровно произнёс Тредер. Он ждал этого вопроса.

– В Безнадёгу ходят только два комби, поэтому Шериф приказал нас не трогать. Мы ему нужны.

– Скажешь за меня Шерифу, – хмыкнул седой. – И меня не убьют. Сразу.

Он не просто решил идти – он продумал маршрут до последнего шага. Он знал, кто и как ему поможет, кто проведёт, кто поддержит. Он знал реалии Зандра так же хорошо, как Визирь, и оставалось выяснить, не забыл ли он о том, что в Зандре принято платить за услуги.

– То есть я должен провести тебя с девчонкой до Безнадёги и обратно и сказать за тебя?

– Всё верно, – серьёзно подтвердил Тредер.

– И?

– Двадцать радиотабл?

Визирь вежливо улыбнулся.

– За деньги ты не пойдешь, – понял седой.

– Ты – первый в истории человек, после меня и Пепе, который добровольно собрался в Безнадёгу, – объяснил разведчик. – Ты просишь сказать за тебя Шерифу, но не хочешь говорить, зачем собрался в этот проклятый аттракцион…

– А ты спроси, – предложил Хаким.

– А ты не скажешь.

– Ты хорошо разбираешься в людях. – Седой рассмеялся. Хмыкнул пару раз, но в данных обстоятельствах это прозвучало заливистым хохотом.

– Ты тоже, – в тон Тредеру ответил комби. – И потому наверняка подготовил достойную плату.

Не просто достойную, а именно то, что могло заинтересовать именно Визиря.

– Слышал о Зоне Вонючих Вихрей?

– Разумеется, – со всем возможным спокойствием подтвердил Гарик, однако внутри у него всё сжалось от предвкушения.

– Сколько комби погибло, пытаясь её описать?

– Их смерть не доказана, – хрипло произнёс разведчик. – Поэтому мы говорим «исчезли».

– Семь, – сам ответил на свой вопрос Тредер. – Трое одиночек и две пары. – Пауза. – У меня есть Атлас Двузубой Мэри. Как я понимаю, ей единственной удалось выйти из Вонючки.

Этот Атлас – если он действительно существует, – стоил для Гарика десяти походов в Безнадёгу.

– Ты её убил? – Голос разведчика предательски дрогнул.

– Двузубая умерла своей смертью, клянусь, – твёрдо ответил седой. – Когда её принесли, она была очень плоха. Я просто оставил себе её Атлас.

– Мог бы и отдать комби, – проворчал Визирь.

– Я знал, что не всё в Зандре можно купить за деньги.

– Давно готовился к поездке?

– Давно и тщательно.

Гарик допил невкусный кофе, побарабанил пальцами по столу и тихо спросил:

– Ты мне покажешь Атлас? Я должен быть уверен, что ты не врёшь.

– Покажу.

– А когда отдашь?

– В Безнадёге.

– Почему не на обратном пути? – удивился Визирь.

– Я тебе верю.

Его спутнице наскучила игра, и теперь она вязала узелки. Удивительно, как долго и разнообразно можно развлекаться, имея на руках одну-единственную ниточку.

– Договорились… – Странный мужчина, странный контракт, хорошая цена… Обещана хорошая цена… Однако за странного сказал тот, кому можно доверять, а значит, имеет смысл согласиться. – Я должен уехать из Железной Девы до полуночи, так что в половине жду вас около багги.

– Мы придём, – пообещал седой.

– Только не берите много вещей…

– Год выдался удачным, – без хвастовства, но веско, с достоинством произнёс Визирь. – Я много заработал и хочу оставить часть средств тебе. – Он вытащил из рюкзака контейнер и положил его у левой руки женщины. – Здесь тысяча двести радиотабл.

– Это очень много, – тихо заметила Лиза.

– Уверен, ты сумеешь ими распорядиться, – рассмеялся комби.

Они сидели в вип-кабинете заведения, однако ничего интимного или нежного в их позах пока не наблюдалось: Заводная съёжилась в кресле, закуклилась, бросая на комби взгляды исподлобья; разведчик же сидел на диване, он поднялся, передавая женщине контейнер, но не остался рядом, хотя хотел, и вернулся на чуть продавленную подушку.

– Меня наняли дойти до Безнадёги, – продолжил он, покусав губу. – Потом схожу в Дырки, хабар, если будет, отнесу в Борисполье… Оттуда, скорее всего, подамся в Белый Пустырь.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – с хорошо сыгранным безразличием осведомилась Заводная.

– Затем, что из Пустыря я вернусь в Железную Деву, – ответил Гарик. – Мы дождёмся рождения ребёнка, после чего сделаем так, как ты захочешь: отправимся искать Нетронутые острова, или поселимся здесь, или уйдём в другую область Зандра…

– Что ты сказал? – прищурилась Лиза. – О каком ребёнке ты говоришь?

– Среди моих устройств есть медицинский сканер, – улыбнулся комби.

Женщина его не поддержала. Выдержала паузу, бездумно разглядывая распухший от радиотабл контейнер, после чего осведомилась:

– С чего ты взял, что это твой ребёнок?

– Считай меня излишне самонадеянным.

– Считаю.

Он снова улыбнулся. И на этот раз был поддержан: Лиза ответила на его улыбку.

По всей видимости, женщина готовилась к трудному разговору, и поведение комби стало для неё приятным сюрпризом. А его следующие слова – шоком.

– Рядом с тобой я испытываю нормальные, настоящие чувства, не связанные с радостью от того, что выжил или кого-то убил. Рядом с тобой я становлюсь другим. И… И я хочу быть рядом с тобой. – Он помолчал. – Я хочу быть рядом с тобой, Лиза.

– Признаёшься мне в любви? – Заводная очень хотела, чтобы фраза прозвучала шуткой, но голос дрогнул, и Визирь понял, что она волнуется не меньше, чем он.

– Да, Лиза, я признаюсь тебе в любви и прошу стать моей женой. – Он встал на колено и достал кольцо, которое утром купил у заезжего ювелира. – Прошу. – Помолчал, нервно ожидая ответа, и, не выдержав, спросил: – Ты не ответишь?

Прозвучало настолько трагично, что Заводная едва удержалась от смеха. Протянула руку, нежно провела пальцами по щеке своего мужчины и прошептала:

– До полуночи ещё три часа. – Он ждал. – Пойдём, отвечу…

Целых три часа…

* * *

«Человек ли я?

Парадокс заключается в том, что давным-давно, в прошлой, беззаботной жизни, когда я только превращался в комби и каждые два месяца ложился под нож хирурга, вставляя в себя всё новые и новые протезы, я об этом не задумывался. Я становился сильнее и быстрее, лучше видел, лучше слышал и мог издалека проверить коктейль на составляющие. Я был молод. Я привык жить в цивилизованном мире, и его гибель стала для меня шоком. Не потому, что исчезло всё, что было мне дорого, и погибло множество друзей. Не только поэтому. Ужас пришёл, когда я осознал, как сильно комби зависимы от инструментов и вещей, как много нужно нам, по сравнению с обычными людьми, и насколько новый мир к нам жесток… Я видел умерших комби – они не сумели найти радиотаблу. Я видел взорвавшихся и сгоревших изнутри комби – пули разносили их микрогеры. Я видел оглохших и ослепших – навсегда, – потому что вовремя не нашлось нужных запчастей и цепи распались, а мой друг стал инвалидом из-за того, что у комбимастера не отыскалось нужной отвёртки.

Отвёртки, твою мать! Отвёртки!

Мастер не сумел влезть во внутренний киберпротез, и ногу Вига безвозвратно заклинило. А я смотрел на происходящее своими сверхмощными глазами и молился. Благодарил Бога за то, что преодолел Время Света без ранений; что не поленился когда-то и прошёл курс комбимастера; что всегда хранил дома два ремкомплекта и запас радиотабл. Я молился… Потому что я был тем комбимастером и не смог ничего сделать. Потому что Виг теперь побирается в Биеве и ненавидит меня.

Потому что…

Я молился.

А потом вдруг спросил себя: зачем Богу меня слушать? Ведь я для него не более чем машина. Он дал мне глаза – я поменял их на новые. Он дал мне уши – их постигла та же участь. А ещё руки, ноги, часть мозга…

Я больше не образ Его и не подобие. Я – кукла, которой нужен не священник, а механик.

Мне стало страшно. Но я всё равно молился…

И молюсь до сих пор. Я не знаю, слышит ли Он меня или оставил, но это не важно, потому что я не оставлю Его. Буду идти за Ним, ползти, стоять поблизости… Пусть отвергнутый – всё равно.

Потому что только благодаря Богу я пока остаюсь человеком…»

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря)

– Откуда они здесь?

– Не знаю!

– Какой же ты на хрен комби?!

– А-а…

– Найди другого!

– Идиот!

– Кретин!

– А-а…

– Заткни её!

– Ей страшно!

– Чтоб тебя на атомы разложило… – Визирь на мгновение высунулся из-за укрытия, которым служил большой камень, выстрелил и спрятался, прислушиваясь к ответному цоканью пуль.

– Убил его?

– Надеюсь.

– Соборник?

– А-а… – Теперь девчонка не визжала, как в самом начале перестрелки, а тихонько скулила, отчаянно напоминая перепуганного щенка. Она прислонилась к камню спиной, закрыла руками уши, растопырила локти и подвывала, заставляя Гарика морщиться и ругаться. – А-а…

– Откуда здесь соборники? – почти выкрикнул Тредер.

– Спроси у них.

– А-а…

– Пожалуйста, пусть она замолчит.

– Ей страшно. – Седой вздохнул и провел рукой по волосам воспитанницы. – Извини.

– Проклятье.

Визирь был зол. Но одновременно испытывал стыд за то, что облажался. И прав Тредер – какой он к чёртовой матери комби, раз умудрился вляпаться в примитивную засаду? Заболтался, отвлёкся – старый Хаким оказался превосходным собеседником, – вот и прозевал движущийся навстречу «Выпекатель» адептов Собора Вселенского Огня. К счастью – и в этом Гарик окончательно убедился только что, – «Выпекатель» им встретился самодельный, в противном случае они бы уже жарились в походном Зиккурате Очищения под заунывное бормотание чокнутых фанатиков.

– Это самопалы, – негромко произнёс Визирь, набивая в рожок патроны.

– Кто? – не понял Тредер.

– Спятившие местные, – объяснил комби. – Прониклись идеями Собора, слепили на коленке очищающую машину и отправились в Рейд Огня. По велению души, так сказать.

– Чего только не узнаешь, отправившись в путешествие. – Седой коротко ругнулся. – Зандр велик, в нём есть место разным психам.

– У вас таких нет?

– Не слышал.

– Зандр велик.

– Это верно.

– А-а…

Разведчик вложил последний патрон, вернул рожок на место, передёрнул затвор и продолжил:

– Огнемёт в их «Выпекателе» слабее, чем у настоящих соборников, но багги они подбили, и нас выкурят.

Мужчины, не сговариваясь, посмотрели на машину. Левое переднее колесо догорает шагах в десяти к северу, у камня, правое – вообще неизвестно где. Плюс пулевые отверстия в силовом отсеке. Плюс отлетевший руль. И все эти плюсы дают один большой жирный минус: даже если стычка закончится удачно, дальше они будут вынуждены идти пешком. Но это ерунда по сравнению с тем, что с ними сотворят победившие соборники.

– Что будем делать? – негромко осведомился Хаким.

И Надира, словно пожелав услышать ответ, принялась скулить тише.

– У них не только огнемёт слабый, – спокойно ответил комби, поглаживая автомат. – Они сами не вояки – просто спятившие фермеры. Ноль тактики, минимальный опыт.

Убивать их – всё равно что отстреливать кроликов, убивать их противно, однако выхода другого не было: они стали соборниками, а с соборниками договориться невозможно.

– Их много.

– А мы до сих пор живы.

– И что это значит? – Тредер поднял брови.

– Это значит, что они не умеют пользоваться преимуществом, – усмехнулся разведчик. – Сидят и не знают, что делать.

«Выпекатель» тоже потерял ход: Гарик снёс ему ведущее колесо из реактивного гранатомёта, и теперь тяжеленная машина могла лишь крутиться на месте и безуспешно поливать укрывшихся за камнем путешественников из огнемёта и пулемёта. Один раз соборники попытались атаковать в лоб, но мужчины отбились: Тредер оказался таким же опытным и хладнокровным стрелком, как Визирь, и превосходно управлялся со штурмовой винтовкой.

– Сиди тут и не давай этим кретинам уснуть, – велел Гарик, поднимаясь на ноги. – Я обойду их справа, вдоль скалы, и ударю в спину.

– Рискованно.

– Ты платишь мне за то, чтобы я провёл тебя к Безнадёге. А сидя тут, мы до неё не доберёмся.

– Хорошо, что ты это понимаешь. – Хаким передёрнул затвор. – Не облажайся.

– Это всё твоё напутствие?

– Я не целуюсь на прощание. Тем более с мужчинами.

Проводив комби взглядом, Тредер вздохнул, некоторое время посидел молча, напряжённо вслушиваясь в происходящее, а затем вдруг резко развернулся и дал короткую очередь по танку. Вскрик, предсмертный хрип, один соборник остался на камнях, двое других метнулись за броню. «Выпекатель» с шипением плюнул огнём.

Надира вытерла сопли, достала из кармана белый шарик и стала перебрасывать его из руки в руку.

– Он вернётся, – пробормотал Хаким, поправляя киберпротез. – Он обязательно вернётся…

«Хрен тебе!»

Фермеры оказались не такими уж кретинами, в какие их успел записать Гарик, и тоже направили отряд вдоль скалы. Но поскольку их было больше, то одинокий комби повстречал на узенькой дорожке сразу трёх врагов, к счастью, не особенно готовых к драке.

«Уроды!»

И совершенно точно – самопалы, что было отчётливо видно по грубым кожаным плащам с корявыми нашивками и кустарно изготовленным маскам истопников. Однако головы у всех троих обожжены, а красные линии на них нанесены в полном соответствии с каноном Собора.

Адепты Вселенского Огня считали порождением Зверя всех переживших Время Света и уготовили им очищение: желательно – на костре, но можно и ножом, и топором, и пулей, потому что главное – очистить мир от Зверя, а способ подойдёт любой. Подготовленные собор-

ники в этом деле специалисты, с ними сражаться тяжело, и Гарик, скорее всего, остался бы на этой узенькой тропинке, а вот фермеры, как, впрочем, и предсказывал Визирь, вояками оказались безмозглыми. Первая их ошибка заключалась в том, что они бросились на комби скопом. Увидели пробирающегося разведчика – и рванули, размахивая мачете и вопя от возбуждения. Во-вторых, они начисто позабыли о существовании огнестрельного оружия. В-третьих, не оценили противника…

Визирь плавно ушёл в сторону, сманеврировал, оказавшись сбоку и заставив фанатиков начать глупый поворот, на ходу извлёк пистолет и выстрелил четыре раза. Стрелял наугад – времени было мало, – понадеявшись, что с такого расстояния не промахнётся, но получилось плохо. Ближайший соборник получил две пули в грудь, споткнулся, рухнул на колени, а затем повалился на бок, пуская кровь из раны и рта. Второй боец принял следующий выстрел, но на нём оказалась защита. Соборник на мгновение замер, однако на ногах устоял, рванул вперёд, добежав до комби как раз к четвёртой пуле. Последний фермер вообще остался цел.

«Чёрт!»

Схватка перешла в рукопашную. Два мачете против одного ножа и крепких кибернетических протезов…

– Проклятье! У них получилось! – Тредер вновь вернулся в укрытие, рывком сорвал опустошённый рожок, бросил его сидящей на земле Надире и вставил на место снаряжённый. – Они починили машину!

Оценив повреждения, фермеры поставили «Выпекатель» неповреждённым бортом к противнику и под прикрытием брони занялись ремонтом ходовой… Который только что завершился.

– Боюсь, мы не удержимся…

Танк, хоть и самодельный, нёс на себе достаточно защиты, чтобы не опасаться пуль; два оставшихся у путешественников выстрела для гранатомёта валялись в покорёженном багги; бежать некуда – позади ровное, словно извилины падальщиков, поле; и жить осталось ровно столько, сколько потребуется «Выпекателю», чтобы преодолеть разделяющие их полторы сотни метров…

Или…

Танк плюнул в сидящих за камнем людей длинным языком пламени, и Хаким понял, что всё может закончиться значительно раньше…

– Проклятье!

Глубокий порез на шее, ещё один – на предплечье; каждый вздох отдаётся болью в груди – один из фермеров ударил комби камнем и, возможно, сломал ребро; болит нога… Схватка завершилась именно так, как рассчитывал разведчик, однако далась победа тяжело, но всё это ерунда по сравнению с тем, что «Выпекатель» пришёл в движение.

– Он едет! Чтоб его на атомы разложило! Он едет!

Еще из укрытия Визирь понял, что спятившие работяги бронировали только лоб и борта трактора, и планировал закидать его сверху гранатами – помимо прочего, в боевом ранце ждали своего часа три «пышки» направленного действия, каждая из которых могла разнести недотанк самопальных соборников на составные части, но бросать их надо сверху! В незащищённую крышу! Только в этом случае…

«Спокойно!»

Двигался «Выпекатель» не так уж быстро, периодически останавливаясь, чтобы выпустить струю огня или дать пулемётную очередь, и пока оставался рядом со скалой, вполне доступный для атаки сверху.

Дело оставалось за малым: пробежать по гребню и догнать проклятый танк до того, как он поджарит Хакима и его полоумную спутницу.

Гарик выругался. Потом выругался ещё раз. Потом достал «пышку», взвёл её и, хромая, побежал по узкому гребню скалы. Он обещал доставить клиента в Безнадёгу, а сидя в укрытии, этого не сделаешь.

– Дерьмо!

Иначе не скажешь: укрылся ведь надёжно, но тяжёлая пулемётная пуля ударила в камень, срикошетила и на излёте распорола Хакиму плечо. Грубо и жестоко.

По руке потекла кровь. Тредер сморщился, сделал пару шагов в сторону и крикнул:

– Не удержимся!

Он никогда не считался паникёром, однако на этот раз имел все основания для страха: танк хоть и медленно, но приближается, сбить его нет никакой возможности, а умирать… Умирать не хочется. Точнее, он не имеет права умереть, не исполнив задуманного, потому что в этом случае все жертвы, которые уже принесены, окажутся напрасными. Всё, что сделано, будет растоптано.

И не будет ему покоя…

– Надира!

Девчонка больше не подвывает, сидит у камня, теребя в руках рюкзак, и смотрит на седого.

– Надира…

И в этот момент грохочет взрыв.

Именно грохочет – потому что чудовищной силы, – и кажется даже, что огромный камень, за которым укрылись путешественники, подпрыгнул, на мгновение зависнув в воздухе.

Бронированный трактор, который только что был пусть и ненастоящим, но всё же «Выпекателем», разлетается на куски, и его обломки засыпают окрестности… Нет. Сначала гремят ещё два взрыва: боекомплект и силовой блок, и уж затем летят обломки… Или куски железа появились раньше? Теперь не скажешь, потому что ещё после первого взрыва Хаким и Надира благоразумно упали на землю, закрыли головы руками и пролежали так до тех пор, пока с неба не перестало сваливаться подброшенное в него железо.

– Пулю поймал? – осведомился Визирь, разглядывая перевязывающего себя Хакима.

– Ага.

Несмотря на то что ему приходилось действовать одной рукой, Тредер накладывал повязку с необычайной ловкостью, и это выдавало опытного медика.

– Крови много потерял?

– В тебя встроен медицинский сканер?

– Да.

– Посмотри, нет ли заражения.

– Сейчас…

Управление приборами Гарик вывел на защищённую панель в левом предплечье, из которой при необходимости появлялся сенсорный голографический монитор. Однако сейчас комби не стал возиться с его активизацией, а вывел информацию на искусственный глаз.

– Пока всё в порядке. Признаков заражения нет.

– Вот и хорошо. – Седой закончил с перевязкой и прищурился на багги. – Мы крепко попали на время?

– Не очень крепко, – не стал врать разведчик. – Через Рагульские Утёсы проезда нет, нам всё равно пришлось бы оставить машину километров через восемь.

– А как потом – обратно?

– На своих двоих! – фыркнул Визирь. – Можно подумать, это мой первый погибший багги.

– То есть всё в порядке?

– Абсолютно, – подтвердил комби и замер, уставившись на девчонку: Надира отыскала в пыли и каменной крошке оторванную руку соборника и теперь сгибала и разгибала на ней пальцы, напевая что-то себе под нос.

*** * ***

«Прошло всего несколько месяцев после Времени Света… А может, несколько недель? А может, и вовсе считаные дни… В общем, едва пережив самую страшную в истории человечества катастрофу, мы принялись врать о своем прошлом. Все мы, без исключения: падлы и папаши, фермеры и егеря, торговцы, механики, бармены, проститутки, военные, калеки, нищие и баши – мы все рассказывали, что в прошлой, довоенной, счастливой жизни были миллионерами или аристократами, знаменитыми артистами или спортсменами, куртизанками, которых жаждали богатейшие шейхи, или бесстрашными капитанами космических яхт.

В своих рассказах мы становились теми, кем грезили.

Мы знали, что врём и что слушаем враньё, но продолжали рассказывать и даже верить в то, что слышим и говорим. Потому что с помощью лжи о прошлом мы хоть на время расставались с поганым настоящим…

Ложь стала для нас обыденностью.

В Зандре очень мало честности. Очень мало искренности.

Впрочем… в Зандре много чего не хватает».

(Комментарии к вложениям Гарика Визиря)

– Я до сих пор скучаю по мороженому, – произнес Хаким. Он не отрываясь смотрел на маленький костерок, а фразу сопроводил сентиментальной улыбкой. Как будто вспомнил нечто необыкновенно доброе, мягкое, согревающее даже сейчас, после кошмара Времени Света и всей грязи Зандра. – В некоторых городах его снова делают, но настоящего московского пломбира я, наверное, никогда не попробую. Боюсь, его секрет утерян.

– Мы много чего потеряли, – заметил Визирь. И пыхнул трубкой.

– По чему скучаешь ты?

– По чистоте, – помедлив, ответил комби. – Я часто мыл руки, хотя бы раз в день принимал душ и до сих пор не привык к ощущению грязи. Не люблю его. Оно мне противно. Как запах давно не мытого тела… Моего и… И всех вокруг. Я скучаю по чистоте.

– А я принюхался, – хмыкнул Тредер.

– Знаю.

– Кажется, ты меня только что оскорбил.

– Зандр грязен, – пожал плечами Визирь. – Вода сейчас – огромная ценность, поэтому Зандр грязен. И вонюч. Это надо просто принять.

– Ты принял?

– Да. Но я скучаю.

Путешествие по Рагульским Утёсам заняло двенадцать дней, и Гарик сказал, что получилось хорошо: не так быстро, как бывало обычно, то есть в одиночку, но и не так медленно, как он ожидал, когда его спутниками стали пожилой мужчина и полусумасшедшая девушка. Двенадцать дней по ущельям, узеньким карнизам и перевалам, без тропинок и каких-либо опознавательных знаков на маршруте, руководствуясь лишь памятью и знаниями разведчика.

Утёсы были молодыми горами – их основная часть сформировалась во Время Света, в ходе мощных сдвигов, вызванных ударами тектонического оружия, и потому они не были

достаточно изучены. Пройти через Рагульские можно было только пешком, и это обстоятельство делало их надёжным заслоном на пути отмороженных падальщиков Майдабрежья, что тянулось вдоль такого же юного, как сами Утёсы, Зигенского моря. Тяжелейшая дорога не позволяла провести в Весёлый Котёл технику для серьёзного наступления, и зарагульским падлам оставались лишь набеги, которые Баптист отбивал без особого труда.

В конце двенадцатого дня утомительного путешествия они различили в поднявшемся ветре сильный привкус соли – даже Надира промычала что-то невнятное и потыкала пальцами в воздух, – море было совсем рядом. Хаким решил, что надо ускориться, однако Визирь, к его удивлению, приказал разбить лагерь.

– Зачем нам лишняя ночёвка в горах?

– Во-первых, спускаться с Утёсов – то ещё удовольствие, и лучше это делать днём, – объяснил комби. – Во-вторых, к вечеру Шериф накачивается всякой дрянью, и разговаривать с ним бессмысленно: прикажет расстрелять, никто и слова не скажет. Лучше не рисковать.

Спорить Тредер не стал.

Они выбрали площадку, насобирали хвороста – сухие горные кусты неплохо горели, запалили бездымный костерок, поужинали, а после, лениво глядя на догорающие ветки, завели неспешный разговор.

– Можно вопрос?

– Ты не устал спрашивать? – усмехнулся Гарик. – И что изменится, если я не дам разрешения?

– Ничего не изменится, – с улыбкой подтвердил седой. – Всё равно спрошу.

– Вот видишь.

– Я думал, тебя развлекают наши беседы.

– Развлекают, – признал Визирь. – Я много времени провожу в одиночных походах и ценю хороший разговор.

– Или ведёшь его сам с собой.

Комби понял, что имеет в виду Хаким:

– Читал мои комментарии?

– Как самую увлекательную книгу, – с уважением ответил тот. – Ты прекрасно пишешь.

– Образ жизни навевает. – Гарик решил, что ещё одна трубка не помешает, набил её, раскурил и осведомился: – Так о чём ты хотел спросить?

Ожидал какую-нибудь пошлятину, а услышал неожиданное:

– Почему ты ходишь только по аттракционам?

– Не только, – после довольно долгой паузы ответил Гарик, ошарашенный слишком личным вопросом седого.

– Ты редко появляешься в обычных поселениях.

– А ты слишком много обо мне узнал, – пыхнул облаком дыма разведчик. – И мне это не нравится.

– А мне предстояло преодолеть две с лишним тысячи километров, и потому я всерьёз готовился к путешествию, – объяснил Тредер. – Я проложил маршрут, узнал людей, которые смогут помочь преодолеть его, изучил этих людей, чтобы понять, чем нужно платить. – Пауза. – Я не просто собирался в Безнадёгу – я планировал в ней оказаться, несмотря на все возможные препоны. И окажусь. И поэтому мне пришлось много о тебе узнать, Визирь. Извини.

Комби помолчал, переваривая искренний ответ, а затем ответил так, как должно:

– Наверное, на твоём месте я поступил бы так же.

– Спасибо.

– Не за что.

– Извини, если мой вопрос тебя задел.

– Твой вопрос логичен. – Визирь посмотрел на заворожённо разглядывающую огонь Надиру и закончил: – Я отвечу.

– Буду рад.

– Но потом ты так же искренно ответишь на мой вопрос.

– Договорились, – кивнул седой. – Так почему ты ходишь только по аттракционам?

– Они честные.

– То есть? – Такого ответа Хаким явно не ожидал.

Разведчик, поняв, что разговор затевается долгий, привстал, подбросил в костёр несколько веток, вернулся к спальнику и продолжил:

– После войны в нас появилось много зла. Мы стараемся быть добрыми, но получается не у всех и не всегда. Жизнь жестока, и потому каждое поселение – закрытая крепость, в которой доверяют только своим. Люди делают вид, что хотят восстановить нормальное общество, но все новые законы и все новые суды защищают исключительно своих. Люди запретили рабство, но платят батракам так мало, что те почти не отличаются от рабов. Люди провозгласили, что выжившие – величайшая ценность, но отворачиваются, когда рядом с ними умирают от голода. И это только часть… Только часть лжи, которой пронизаны поселения Зандра. Я не корю людей, я понимаю, что Зандр жесток и выжить в нем трудно. Но я не люблю лицемерия.

– И выбрал бандитов? – криво усмехнулся Тредер.

– Они не скрывают свою звериную суть, не прикидываются честными.

– Я понимаю, о чём ты говоришь, и так же, как ты, не терплю лицемеров, – медленно произнес Хаким. – Но если все вокруг примут звериную мораль падальщиков, мы не выживем. Люди как общество, как цивилизация – не выживут. Да, в нас много зла, но нужно стараться… нужно стремиться к добру. Хотя бы для своих, но к добру.

– Ты в это веришь? – тихо спросил комби. – Ты стремишься?

Тредер тяжело вздохнул, на мгновение в его глазах мелькнуло пламя – не огонь, но пожар, – однако ответ дал искренний:

– Я услышал эти слова давно и… Нет, не поверил. И… нет – не стремлюсь. Во мне много зла, выражаясь твоим языком… – Седой погладил киберпротез. – Но мне кажется, я должен об этом говорить, чтобы поверил хоть кто-то. А если не поверил, то, может быть, просто сделал в жизни один хороший поступок. Один. Может, мои честные слова подвигнут кого-то сделать хороший поступок… А если каждый из нас сделает в жизни хоть одно хорошее дело, количество добра увеличится, и мир… Вдруг мир улыбнётся? Ведь мы и есть мир, Визирь, и только мы сможем вновь научить его улыбаться.

Тредер щурился на огонь и говорил проникновенно, от души, открывая то, что думал, во что верил. И Гарик вдруг подумал, что всё понял:

– Ты поэтому заботишься о девчонке? Это твой добрый поступок?

– Это мой грех, – качнул головой Хаким. – Это зло, которое я несу людям.

– Девчонка? – Комби дёрнул головой, обернулся и увидел, что Надира играет с горящими щепками. – Она – грех?

– Это твой вопрос?

– Нет.

Хоть неожиданный ответ и разбудил интерес разведчика, Гарик решил потратить обещанный честный ответ на более важную тему. Решил спросить о том, что мучило его уже двенадцать дней.

– Ты ведь дотовец, Тредер, не так ли?

Седой не удивился. Усмехнулся, кивнул, но ответил не прямо, а вопросом:

– Заметил татуировку?

Крест и два меча – символ Санитарного Спецназа генерала Дота – прятались в тепле левой подмышки Хакима. И там же – штрихкод с его личными данными.

– Когда ты переодевал испорченную рубашку, я стоял далеко, и ты расслабился, забыл, что надо держаться ко мне правым бортом, забыл, что я – комби, – произнёс разведчик. – Я поймал тату в имплант, приблизил, почистил и сильно удивился, поняв, кто ты.

– Мы оба знаем, что дотовец не дошёл бы до Безнадёги. – Тредер чуть пожал плечами. – Меня убил бы первый встреченный веном или папаша.

– И ты прикинулся обычным фермером…

– Авторитетный человек из Харыза был мне должен. Он представил меня врачом группе топтунов, которые как раз собирались идти через Перевалы Пятнадцати, и так началось моё путешествие.

В этом признании таился настолько глубокий смысл, что он не укладывался в голове у комби. Абсолютно не укладывался, потому что…

Генерал-лейтенант медицинской службы Александр Карлович Дот сразу после Времени Света занялся своими прямыми обязанностями: оказанием помощи пострадавшим и пресечением распространения инфекций. Будучи человеком решительным и волевым, он ухитрился привлечь на свою сторону, а затем и полностью подчинить несколько военных частей, ставших впоследствии ядром знаменитого на весь Зандр Санитарного Спецназа – безжалостного и спасающего. Сначала только спасающего, но постепенно становящегося всё более и более безжалостным, поскольку генерал пришёл к выводу, что Время Света серьёзно повредило человечество и требуется огромная работа по избавлению от последствий. Базовой территорией Спецназа стал Периметр Дота – минимально заражённая область, внутрь которой допускались лишь предельно чистые, насколько это возможно в современном мире, люди. Дотовцы вживляли себе дыхательные фильтры, не выходили из герметичных помещений без масок и защитных комбинезонов, с маниакальной тщательностью следили за пищей и водой. Результат был: среди них даже уродов рождалось мизерное количество, однако Визирь считал, что бегство от Зандра ничего не даст и глупо пытаться хранить чистоту человечества, когда сама планета пошла вразнос.

На подобные заявления Дот обычно отвечал, что Земля сильна и рано или поздно рассеет ядовитые последствия Времени Света.

– Тебе пришлось ампутировать фильтры, – произнёс разведчик, намекая на то, что Хаким никогда не вернётся к своим.

– А ещё – снять комбинезон и маску, – спокойно добавил седой, поглаживая слабую, поддерживаемую киберпротезом руку. – Вот уже несколько месяцев я дышу воздухом Зандра, пью воду Зандра и ем пищу Зандра.

– Ты не вернёшься за Периметр.

– Больше никогда. Но Дот сказал, что понимает меня.

В его голосе не было сожаления, только лёгкая грусть человека, навсегда расставшегося с лучшими в жизни друзьями, которые любили его и которых любил он. Расстался, потому что не мог иначе.

– Почему не удалил татуировку?

– Гордость, – с улыбкой объяснил Тредер. – Я – дотовец. Я скрываюсь, но я не трус. Ты не первый, кто увидел мой знак, но ты первый, кто останется в живых.

– Потому что я сильнее тебя?

– Потому что ты не несёшь для меня угрозы, – с прежним спокойствием объяснил седой. – Ты ничего мне не сделаешь, потому что не захочешь. Я тебя не пугаю, и я тебе интересен, в противном случае ты никогда не задал бы этот вопрос.

Хаким действительно хорошо изучил тех, с кем собирался путешествовать по Зандру. Разобрался в характерах, вычислил слабые места… Он был слишком умён даже для дотовца,

и Гарик внезапно вспомнил древнее, почти забытое слово: шахматы. Человек, сидящий по другую сторону костра, наверняка был мастером этой игры.

«А девчонка?!»

Быстрый взгляд влево, Надира отвернулась от огня и выкладывает на земле узор из разноцветных камешков, которые собрала по дороге.

Теперь, когда Хаким подтвердил, что является дотовцем, его спутница стала вызывать у разведчика совсем иные подозрения: она могла оказаться заражённой недоступным для полевого сканера «спящим» вирусом, и, оказавшись в аттракционе…

– Зачем ты идешь в Безнадёгу? – хрипло спросил комби.

– Неужели не догадался? – Показалось, что седой искренне расстроен.

– Зачем?

– Там живёт человек, которого я ищу.

– Твой друг?

– Он поможет мне излечиться.

И снова непонятно. С точки зрения встроенного в комби медицинского сканера Тредер был в полном порядке, слегка потрёпан путешествием по Зандру, но в целом – абсолютно здоров. И какую же скрытую болезнь он собрался лечить в дикой Безнадёге, что с ней не справились лучшие спецы Дота? Ради чего Хаким оставил Периметр с его чистой пищей и чистой водой? Изменить, а если называть вещи своими именами – сломать себе жизнь? Ради чего?

– В Безнадёге есть только фельдшер. Когда я прихожу, люди платят, чтобы я просветил их медицинским сканером.

– Я не говорил, что тот человек – врач, – ровно произнёс Тредер.

– Ты сказал, что он тебя излечит.

– Всё верно… – Пауза. – Он поможет мне вылечить душу.

– Хм-м… Я слышал о душе, – не стал скрывать Визирь. – Когда-то считалось, что эта бессмертная субстанция обитает внутри каждого из нас, но Время Света доказало ошибочность теории. Мы были слишком оптимистичны, полагая, что душа есть у всех.

– Ты говоришь так, словно читаешь мои мысли. – Седой помолчал. – Жрущие Дни?

– Нет, – через силу ответил комби. Он не любил вспоминать то время.

– Я тоже, – кивнул Тредер.

Мужчины помолчали, слушая треск горящих веток, а затем разведчик вернулся к интересующей его теме:

– Прости мое тугодумие, но я так и не понял, зачем тебе в Безнадёгу.

– Сложи два и два, – предложил Хаким, и в следующее мгновение Гарик проклял свою глупость.

Он догадался.

Безнадёга была крупнейшим центром работорговли в этом секторе Зандра, а дотовцы – чистые, прячущиеся внутри Периметра, сопротивляющиеся радиации и химии, в общем, сопротивляющиеся всем подаркам новой Земли дотовцы – были их излюбленной добычей. Дотовцы приносили папашам самую большую прибыль, и теперь…

– Кого у тебя похитили?

– Сына, – угрюмо ответил Тредер. – У меня была большая семья, а остался только он. Спасая его во Время Света, я творил вещи, которые… которые… В общем, я сам не думал, что способен на подобное. Но я их делал, и мне не стыдно. Я спас своего сына, и я… Я его потерял.

– Почему не организовал рейд?

– Слишком далеко от Периметра, – машинально ответил Хаким. И тут же, опомнившись, попытался всё исправить: – Какой рейд?

– Ты не рядовой дотовец, – усмехнулся комби.

И Тредер, помолчав, ответил правду:

– Я занимал должность начальника карантинного управления Санитарного Спецназа. Это третье по значению подразделение штаба, после оперативного и управления медицинской разведки. Я…

Но Визирь не слушал:

– Ты командовал карантинщиками Дота?

– Да.

Короткий ответ, и у ошеломлённого разведчика отвалилась челюсть. Потому что перед ним сидел не человек, а легенда. Или воплощение всех страхов Зандра. Или спаситель Зандра, его хранитель… Не обычный служака, как думал разведчик, затевая разговор, а один из высших офицеров Спецназа.

– Тебя называют…

– Белый Равнодушный, – закончил за Гарика седой. – Я знаю.

Карантинщики Дота… Они приходили туда, где возникала опасность эпидемии, выставляли заслоны и открывали огонь без предупреждения. Внутрь входили только врачи, наружу выходили только после того, как начальник службы лично подтверждал, что Спецназ справился и болезнь ушла. Начальник – Белый, потому что всегда носил поверх комбинезона медицинский халат; и Равнодушный, потому что на него не действовали уговоры и мольбы. Потому что он слушал рыдания, причитания и вопли, отворачивался и оставлял всё как есть, держал заслон столько, сколько требовали обстоятельства, позволяя умирать тем, кого нельзя было спасти…

Считалось, что он сделан из железа. На полном серьёзе утверждали, что по утрам он пьёт кровь младенцев. Его ненавидели те, чьи близкие сгинули за карантинными заслонами. И боготворили те, кого спасли его жестокость и хладнокровие.

Главный карантинщик Дота…

Только вот звали его отнюдь не Хаким Тредер.

– Ты знаешь, что твоим именем в Зандре детей пугают?

– Это называется славой, – равнодушно отозвался Белый. И закончил: – Я знаю точно, что мой сын в Безнадёге. И завтра я его заберу.

* * *

«Я всегда боялся этого аттракциона. Его ауры. Даже его названия.

Не опасался – боялся.

Приходил снова и снова, работал на Шерифа и говорил с его падлами, делился с ними табаком, просвечивал медицинским сканером и брал у них пшики с синей розой. Мы давно знаем друг друга, но в Безнадёге это ничего не стоит, и если бы не Арсений, который надеялся, что я отыщу ему дорогу через Рагульские Утёсы, падальщики убили бы меня давным-давно. Просто так. Потому что никто из них не способен одолеть меня один на один, и оттого появилась ненависть.

От слабости. От трусости. Чтобы разобрать на запчасти и продать другим комби.

Просто чтобы убить.

В Майдабрежье особые падальщики – злоба и жестокость возведены у них в культ. Здесь не прижились даже гладиаторские бои, любимое развлечение работорговцев Зандра, поскольку падлы предпочитали просто и без затей забивать беззащитных пленников до смерти. Под одобрительные вопли сородичей. Хохоча и гордясь собой. И им не надоедало, они готовы были повторять это развлечение снова и снова, без передышки…

Но пугала меня не запредельная дикость зарагулян.

Нет.

В глубине души я боялся, что когда-нибудь все аттракционы Зандра станут такими же паскудными и грязными, как Безнадёга. Ведь тупость заразна, в этом я неоднократно убеждался, наблюдая за превращением нормальных людей в угрюмых, уставших от всего работяг или служак, а жестокость завораживает. Жестокость дарит слабакам ощущение силы, упоительного могущества, пробуждает в слизняках мужественность. Жестокость бессмысленная, кровь ради крови, не имеющая ничего общего с холодной и расчётливой, нацеленной на спасение жизней жестокостью карантинных отрядов Дота.

Я видел, как Шериф приучал пацанов к крови, учил их вспарывать животы, сжигать заживо, бить до смерти… Мужчин, женщин, детей – не важно, кого и за что, главное, что на них указал он… Я видел, как блестели от возбуждения его маленькие тёмные глазки и с какой радостью целовал он забрызганных кровью мальчиков в губы… Своих зверят, которые будут дикими даже по меркам Зандра.

Я видел и боялся, что зло Безнадёги расползётся и станет нормой.

Я чувствовал ненависть и ненавидел в ответ. Ведь ненависть так же заразна, как тупость, знаю на собственном опыте…

Я хотел остановить эту заразу, но не мог, и потому боялся.

И Белый Равнодушный понял всё, прочитав мои записи. Понял меня, ни разу не встретившись лично. Понял даже то, в чём я не признавался себе.

Он действительно умел играть в шахматы.

И в Железной Деве он искал меня, а не Пепе…»

(Удалённые комментарии к вложениям Гарика Визиря)

Последний переход получился коротким – четыре часа, три с половиной из которых им пришлось аккуратно, поддерживая друг друга и периодически закрепляя страховочный трос, спускаться с Утёсов. Не по отвесной стене, конечно, но по трудной дороге, которая прекрасно просматривалась и простреливалась с расположенного у подножия поста.

– В шестнадцати километрах к северу есть пологая тропа, которую контролирует аттракцион Дарай, – рассказал комби во время одного из кратких привалов. – Но Арсений специально не хочет в него переселяться: опасается внезапной атаки. Ему спокойнее, когда спина прикрыта.

– Почему мы не пошли по той дороге?

– Чтобы не топать шестнадцать километров по Майдабрежью, – как маленькому, объяснил разведчик. – Слово Арсения крепкое, но оно не поможет, если мы наткнёмся на спятивших или обкуренных падл.

Они отправились в путь, едва проснувшись, на ходу прожевав концентраты и запив их водой. Минут через двадцать вышли к Верхнему Балкону, постояли немного, очарованные величественной панорамой раскинувшегося под ногами моря, затем начали спуск и лишь через три с лишним часа достигли относительно пологого участка, который начинался нависающим над аттракционом Нижним Балконом.

– Безнадёга во всей красе, – сообщил Гарик, раскуривая трубку. – Наслаждайтесь.

– Она именно такая, какой я и представлял, – прищурился Равнодушный.

– Маленькая?

– Никакая. – Короткая пауза. – Безнадёжная.

До Времени Света аттракцион представлял собой скромных размеров посёлок, архитектурно безликий и достаточно бедный. Историю его, да и настоящее название никто не знал, и никто такой ерундой не интересовался, а известность он получил под другим именем… Под новым.

В ходе тектонических катаклизмов посёлок оказался на узкой полоске земли, которую впоследствии стали называть Майдабрежьем. К западу плита капитально просела, образовав

Зигенское море, а путь на восток перекрыли Рагульские Утёсы. Посёлок потерял множество построек и почти всех жителей, однако сохранился и приглянулся облюбовавшим дикое побережье падальщикам и папашам. Первым свою резиденцию здесь создал печально знаменитый Бобо Лойский, которого даже свои за глаза называли не иначе как Тварью. Самой знаменитой акцией Бобо стала одновременная казнь трёх тысяч последних местных, после чего на Майдабрежье остались исключительно падлы, которые поняли, что следующими станут они, и организовали переворот, вознеся на вершину власти Арсения Шерифа. С тех пор Майдабрежье обрело нынешний облик, а Безнадёга стала его столицей.

– Большой белый дом, что стоит на самом побережье, – это дворец Шерифа, построенный уже после Времени Света. К нему примыкает арсенал и гараж с военной техникой.

– Арсений никому не доверяет?

– И правильно делает.

– Согласен.

Визирь помедлил, после чего продолжил:

– Бараки с серыми крышами – казармы, в них живут рядовые падлы. Все остальные – в своих домах или квартирах. Местных тут нет, только падальщики и папаши. Плюс рабы, их загоны под соломенными крышами.

– У них есть катера, – пробормотал Белый, разглядывая небольшой порт Безнадёги.

– Катера, рыбачьи баркасы и несколько средних судов, – подтвердил комби. – На них Арсений ходит в набеги к побережью Куйской равнины, в устье Динара и на юг, в Пески-Пески.

– Авиация?

– Два вертолёта огневой поддержки, но он их бережёт как зеницу ока.

– Где стоят?

– Ангары левее порта.

– Вижу…

Вопросы Равнодушного и его пристальный интерес к планам Безнадёги плохо увязывались с рассказом о поиске ребёнка. Сейчас Белый напоминал готовящего штурм военного, и Гарику в какой-то момент показалось, что он привёл на Майдабрежье не двух странных путешественников, а не менее батальона отъявленных головорезов из Санитарного Спецназа.

Вновь проснулись былые подозрения, а когда они возвращались, Визирь всегда смотрел на девчонку. Бросил взгляд и на этот раз – резкий, быстрый, от которого не укрыться, – но Надира таращилась на аттракцион с тем же безразличием, с каким три часа назад смотрела на море.

– Мы войдём в Безнадёгу через двадцать минут, – сообщил разведчик, медленно отворачиваясь от девчонки. – Остановимся в таверне вдовы Кличко, после чего сразу же отправимся во дворец.

– Ты уверен, что Арсений здесь? – Белый задал вопрос равнодушно, но комби понял, что для седого присутствие Шерифа имеет огромное значение.

И на этот раз плюнул на подозрения. Точнее, перестал на них реагировать. Как бы их путешествие ни закончилось, скоро оно завершится.

– Здесь, – почти сразу ответил Гарик. – Видишь над дворцом двухцветную тряпку? Это его личный штандарт.

«Мог ли я догадаться, что будет дальше?

Наверное.

Даже не так: я обязан был догадаться, поскольку получил все возможные подсказки.

Назвавшись, дотовец бросил карты на стол, а расспросы на Нижнем Балконе должны были рассеять последние сомнения, но я отказывался соображать.

Потому что не хотел.

Потому что в глубине души понял, для чего Белый Равнодушный шёл на Майдабрежье, и жаждал увидеть, что он сделает с Безнадёгой. Что уготовил человек, чьим именем пугают детей, месту, которое проклинают даже падлы. Что он сделает с уникальной мерзостью, претендующей на титул главной грязи Зандра.

Я догадывался, что увижу невероятное.

Я хотел, чтобы Безнадёга исчезла…»

(Удалённые комментарии к вложениям Гарика Визиря)

Тоненький, но от того невозможно пронзительный вой… Противный… Въедливый… Царапающий сердце даже Равнодушному.

– Почему ему не заткнули рот? – недовольно спросил дотовец.

– Из милосердия?

– Хотя бы.

– Вот ты и ответил на свой вопрос, – угрюмо ответил Визирь. – Ты в Безнадёге, Тредер, забудь слово «милосердие».

– Да, пожалуй, погорячился… – Вой… – Почему его не заткнули?

– Он приговорён.

– А мы?

– Мы должны видеть и слышать, потому что в этом заключается воспитательный эффект. – Разведчик помолчал. – Если кто-нибудь из мальчиков Арсения проявит слабость, как ты сейчас, им заинтересуются. И, возможно, он станет следующим. – Ещё одна пауза. – Здесь выживают только те, кто ухмыляется, услышав голос умирающего человека.

Окна комнаты, которую им определили в таверне, выходили на главную площадь аттракциона, на которой как раз проходила очередная экзекуция. Впрочем, комби объяснил, что «как раз» определение неверное: убивали на площади едва ли не постоянно. Конкретно сейчас приговорённого забивали розгами, обыкновенными гибкими прутиками: сменяя друг друга, палачи постепенно рассекали несчастному плоть, добираясь до кости. Не спеша. Со смаком. Смеялись, выпивали, меняли друг друга, предлагали принять участие всем прохожим, и мало кто отказывался.

– Они больны, – мрачно произнёс дотовец. – Их недуг – ненависть и жестокость – неизлечимы.

– Ты – Белый Равнодушный. Тебе приходилось отправлять на смерть тысячи людей.

– Тысячи больных, – поправил Гарика седой.

– Не только.

На миг Визирю показалось, что дотовец его ударит. Но только на миг. Равнодушный понимал, что насилием лишь подтвердит заявление разведчика, и сдержанно, но с необычайным достоинством ответил:

– Я горжусь тем, что делал, комби, и тем, что делает Санитарный Спецназ. Мы никогда и никому не отказываем в помощи. Мы приходим, лечим, теряем врачей… Десятки моих врачей умерли, но не бросили пациентов… Мы спасаем. – Белый пронзительно посмотрел на разведчика. – Но мы не имеем права рисковать, и потому…

– За спинами врачей всегда стоишь ты, – закончил за него Гарик.

– Да.

Начальник Карантинного управления. Единственный, кроме генерала Дота, человек, имеющий право объявить о прекращении эпидемии. Ответственный за смерть такого количества людей, что Арсений Шериф с его маниакальным зверством выглядел на фоне Равнодушного жалким, недостойным упоминания любителем. Спасший такое количество людей, что ему следовало бы поставить памятник из чистого золота.

– Извини меня, – неожиданно произнёс Визирь.

Однако ответ разведчику пришел не от дотовца.

– Он давно перестал обижаться на подобные обвинения.

Грудной, чуть хрипловатый и очень приятный женский голос.

«Неужели?!»

Гарик резко обернулся и замер, поражённый произошедшей с Надирой переменой: исчезла одутловатость, мышцы подтянулись, и лицо, только что «расфокусированное», вдруг задышало жизнью и энергией. Как будто бы из ничего появилась красивая линию губ, безвольный рот стал строгим, а взгляд – осмысленным, уверенным и слегка насмешливым.

– Тебе нужно вколоть антидот. – Равнодушный бросил Визирю шприц и принялся снимать киберпротез. – Если хочешь жить, конечно.

– Сначала ему нужно прийти в себя, – рассмеялась девушка, раскрывая рюкзак. – Кстати, меня зовут Кабира Мата.

– Очень приятно, – промямлил комби.

– Мне тоже, красавчик.

Белый протянул спутнице киберпротез, и Гарик понял две важные вещи. Первая: внешнее устройство в действительности принадлежит девушке, оно село на её правую руку как влитое. Второе: протез нужен Кабире вовсе не потому, что она инвалид, а по той простой причине, что никто на свете, включая самых крепких воинов Цирка Уродов, не мог стрелять из «Толстого Мэга» без дополнительных приспособлений.

А «Толстый Мэг» как раз явился из рюкзака.

Человек, чьим именем пугали детей, привёл в Безнадёгу одну из тех, чьими именами пугали взрослых: перед ошарашенным Визирем стояла полностью экипированная убийца из синдиката «Анархия».

«Белый не оставил мне выбора, но я не в обиде. Он не мог поступить иначе. Он слишком хорошо всё продумал и слишком сильно желал достичь цели. Он извинился, объяснил свои мотивы и свой план, после чего отдал мне Атлас Двузубой Мэри и все радиотаблы, что у него оставались. И снова извинился.

За то, что мне придётся рискнуть жизнью.

Впрочем…

Выбора, как я уже написал, у меня не было…»

(Удалённые комментарии к вложениям Гарика Визиря)

– Если у меня не выгорит, Арсений тебя убьёт, – негромко произнёс Равнодушный. – Он не будет спрашивать, знал ты или нет. Просто убьёт.

– Я не мальчик, я всё понимаю, – мрачно отозвался Визирь и кивнул стоящему у ворот дворца падальщику: – Привет, Ярось.

– Снова притащился? – вместо ответа хмыкнул тот.

– Мне у вас нравится.

Несмотря на внутреннее напряжение, Гарику удавалось держать себя в руках и общаться с остановившим их бойцом предельно спокойно. Как бывало обычно. Ничем не выдавая того, что они явились во дворец отнюдь не с добрыми намерениями.

– Что за терпила с тобой?

– Путешественник. Хочет к зигенам пробраться.

– Ты ещё скажи: турист, – заржал падла, неожиданно вспомнивший древнее, забытое после Времени Света слово. Откуда оно только всплыло в простом, как пыль, мозгу Ярося? Но всплыло, и потому пришлось поддержать веселье.

Мужчины сдержанно посмеялись, однако замолчали, услышав следующий вопрос падлы:

– Скажешь за него перед Арсением?

– Ага, – подтвердил разведчик. – Как сегодня Шериф?

– Пока добрый.

Бритый наголо Ярось служил ещё Бобо Лойскому, но вовремя переметнулся на сторону новой власти и принял самое деятельное участие в поистине зверском устранении бывшего благодетеля. Арсения Ярось боялся до колик и старался выслужиться любым способом, заработав славу самого подозрительного из сотников Безнадёги. Однако седой, облачённый в наглухо застегнутую рубашку армейского образца, штаны-карго и высокие ботинки, почему-то оставил Ярося равнодушным. Наверное, показался старым и безвредным.

– Ты без оружия? – Падла испытующе посмотрел на разведчика.

Вместо ответа комби поднял руки, позволяя тщательно себя ощупать, и выразительно посмотрел на Ярося, «мол, что ж, я правил не знаю?» Тот усмехнулся:

– Проходите.

И путешественники ступили в логово Шерифа.

– Визирь с терпилой ушли?

– Ага.

– К Шерифу подались?

– Ага.

Двери в таверне были хлипкими, тонкими, к тому же плохо поставленными – со щелями, и потому Кабира превосходно слышала каждое произнесённое в коридоре слово.

– Значит, надолго свалили… – Обладатель первого голоса, грубоватого, резкого, выдержал многозначительную паузу, но, поскольку никакой реакции на реплику не последовало, был вынужден уточнить: – У тебя ключ есть?

– Ты девку, что ль, решил оприходовать? – удивился второй, сиплый.

– Да. – Резкий шмыгнул носом. – Она клёвая.

– С придурью же.

– Все бабы с придурью. А сумасшедшие смешные, я их много пробовал… – Теперь резкий хмыкнул. – Жаль, сейчас передохли все… Открывай.

Однако сиплый оказался трусоват. Несколько мгновений он переминался с ноги на ногу – Мата слышала его движения так, словно видела их, – после чего протянул:

– А Шериф не взбесится?

– Из-за чокнутой тёлки?

– Шериф Визиря привечает.

– А как Визирь узнает, что тёлку чпокнули? Она ему скажет? – Резкий хохотнул. – Она же с придурью! Молчит всё время!

– И то верно.

Сиплый сдался, видимо, захотел попробовать необычного, того, что «давно передохло», поэтому в замке заскрежетало, дверь распахнулась, и падлы уверенно вошли в комнату. Сначала резкий, оказавшийся невысоким и очень плотным, почти квадратным, а за ним сиплый – длинный, плечистый… Умерший первым: затаившаяся за дверью Мата вонзила ему в спину длинный нож, с хирургической точностью добравшись до сердца.

– Что?

Услышав предсмертный хрип приятеля, резкий начал разворачиваться, но не успел – падальщики хороши десятком на одного или забивая до смерти связанных рабов, а для подготовленного бойца они не страшнее грязи на обуви.

Пока резкий поворачивался, Мата успела извлечь клинок, оттолкнуть бездыханного сиплого в сторону, сделать шаг вперед, вонзить нож в горло падальщика и даже посторониться, не позволяя хлынувшей крови заляпать одежду.

Затем Кабира прикрыла дверь, посмотрела на часы и недовольно нахмурилась: ей следовало выдвинуться на огневой рубеж ещё тридцать секунд назад.

…Каждый владелец аттракциона в обязательном порядке имел дворец, на худой конец – замок или крепость, а в нём – украшенную награбленным комнату, гордо именуемую «тронным залом». У кого-то побольше, для двухсот, а то и трёхсот верных соратников, у кого-то поменьше, на полсотни. У кого-то на поверхности, у кого-то в подземном бункере. С разрисованными стенами или с грубой кирпичной кладкой, с окнами-бойницами или без них. Разные комнаты были объединены общей декорацией – подиумом с креслом, на котором обожали проводить время возомнившие себя королями главари падальщиков.

В тронных залах они пировали, судили, встречали послов из соседних банд и униженных обитателей соседних поселений. Трон был главным символом их власти, им они гордились, за него держались, и многие, очень многие «короли» Зандра погибали на нём или совсем рядом, не в силах расстаться с символом могущества даже перед смертью.

– Визирь!

– Шериф. – Гарик встал на одно колено, приложил правую руку к сердцу и склонил голову. Белый последовал его примеру. – Слава свободным!

– Встань, добрый друг, и подойди.

В отличие от Баптиста, который, случалось, разгуливал по Железной Деве в сопровождении лишь пары телохранителей, Арсения всегда охраняло не менее десятка падл, и чужакам запрещалось приближаться к нему ближе чем на пять шагов.

– Кого ты привёл в мой дом, Визирь?

– Путешественника.

– Ты за него скажешь?

– Иначе я не рискнул бы входить с ним в твой аттракцион, Шериф.

– Чем он готов выразить мне уважение?

Подарки и подношения были обязательным элементом посещения аттракциона случайными людьми, и вопрос был задан потому, что вождь падальщиков не заметил в руках гостя ни сумки, ни ящика, ни даже свёртка. Вождь изволил немного разозлиться.

Равнодушный же поднялся с колена и сделал маленький шаг вперёд.

– Я – хороший врач, Шериф Арсений, и тем могу быть тебе полезен.

– Ко мне обращаются на вы, – строго заметил Шериф. Он не терпел панибратства.

Визирь незаметно изменил стойку, распределив вес тела для того, чтобы не тратить потом лишние миллисекунды.

– Когда ты узнаешь, кто я, Шериф Арсений, ты согласишься с тем, что я имею право на небольшое нарушение правил, – с прежней размеренностью произнёс седой путешественник. – Моя слава опережает меня, и ты будешь удивлен.

– Откуда же ты явился? – ухмыльнулся главный падла.

– Из-за Периметра Дота.

Неожиданное признание окутало зал удивительной и абсолютно неестественной тишиной. Осёкся и прищурил маленькие глазки Арсений, замолчали, будучи в полной боевой готовности, его телохранители, ошарашенно притихла «публика». Как и прогнозировал седой, первое признание удивит падальщиков и даст ему время произнести главную речь.

Громким голосом.

Гордо.

– Меня зовут Белый Равнодушный! – громыхнул он, глядя на врага в упор. – И ты, Шериф Арсений, должен меня помнить. Четыре года назад ты похитил и убил моего сына. А когда узнал, кого посмел тронуть, то сменил имя и сбежал сюда, на край Зандра, в надежде, что я тебя не достану. Но я здесь, Шериф Арсений, я пришёл расплатиться.

А в следующий миг на улице взорвалась первая пуля «Хиросима», выпущенная из револьвера «Толстый Мэг»…

Когда речь заходит о страшных патронах анархистов, следует помнить, что ключевым словом для их определения является не «микроскопический», а «ядерный». И если вы это понимаете, вы не задаёте глупых вопросов типа: «Какая сила разнесла на куски двухэтажный каменный дом?» или «Когда вернётся улетевший к облакам тяжёлый танк?» Вы знаете, из-за чего появляются воронки чудовищных размеров и почему панически мечущиеся падлы в буквальном смысле исчезают в пламени…

Шесть взрывов – пауза, поскольку Кабире нужно вставить в каморы «Толстого» новые «Хиросимы», – и снова взрывы. Шесть. И снова пауза.

И паника.

И гибнущая Безнадёга, исчезающая в пыли, дыму и разлетающихся обломках.

Горящие и тонущие суда, плавящаяся техника, периодически фонтанирующая огнем взрывающихся боекомплектов, здания, рушащиеся и растворяющиеся в пыльных облаках, и трупы, трупы, трупы… И невозможность ответить, поскольку анархистка засела в господствующем над аттракционом Нижнем Балконе и заранее уничтожила охранявший его пост, позаботившись о том, чтобы до неё не смогли добраться.

Безнадёга умирала в огне, и только во дворец до сих пор не прилетело ни одной кошмарной пули.

– Тебе нечего бояться! – Потрясающе громкий крик Белого перекрыл даже взрывы. И отсрочил автоматные очереди, которые должны были разорвать его и комби. – Мои друзья не станут стрелять в дворец.

– Почему? – Надо отдать должное: Шериф, несмотря на грохот разлетающегося города, демонстрировал отменное хладнокровие.

– Потому что их задача – уничтожить Безнадёгу, а ты – мой. Тебя я убью лично.

– Увернёшься от автоматной очереди? – Поднял брови Арсений.

– Я слишком стар для этого.

– Оружия у тебя нет, взрывчатки тоже: ни снаружи, ни внутри. – Шериф усмехнулся. – На входе во дворец стоит замаскированный сканер: мои люди просветили тебя, ты чист.

– Зато в твоем аттракционе всегда было плохо с медицинским оборудованием. – Дотовец расстегнул рубашку. – Я уже убил тебя, Шериф Арсений. Ты уже труп.

Кто-то закричал, кто-то выругался, кто-то пустил слезу или вздрогнул, но все, абсолютно все падальщики резко отшатнулись от открывшегося их взглядам ужаса: тело Равнодушного покрывали язвы, кровавые струпья и характерные фиолетовые пятна между ними – известные всему Зандру признаки воздействия вируса Айбац. Не просто быстрого, но смертельно быстрого.

И это был самый опасный момент явления мстителей: одной случайной пули оказалось бы достаточно, чтобы в тронном зале началась дикая бойня.

К счастью, шок помешал падлам открыть пальбу.

– Я дам тебе шанс, мерзавец! – Белый открыл боковую панель комби и вытащил из нее горсть маленьких пластиковых доз. – Начинается игра «Доберись до антидота!»

И спасительные шприцы полетели в толпу.

…Тридцать шесть выстрелов.

Пять пауз на перезарядку. Тридцать пустых гильз на камнях Нижнего Балкона. Разогретый ствол «Мэга». Чудовищное месиво внизу. Раздробленный камень, горячее железо, кровь, мясо, стоны, повышенный уровень радиации. Воронки. Огонь. Смерть.

Тридцать шесть патронов «Хиросима» превратили городок в…

Ни во что не превратили, потому что городка больше не было. Безнадёги не стало, как Визирь и мечтал. Как хотел Белый Равнодушный. Как было приказано Мате. На месте Безнадёги плавились руины, над которыми высилось одно-единственное здание.

Дворец.

Кабира вытряхнула из камор гильзы, вставила на их место новые патроны, поднесла к глазу оптику и принялась терпеливо ждать сигнала.

«Наверное, убили бы…

Должны были убить.

Если бы хоть кто-то из подлой своры Арсения, мальчик или покрытый шрамами ветеран, сохранил хоть каплю разума, он бы наверняка понял, что Белый врёт, что не для того он шёл в Безнадёгу, чтобы разбрасываться антидотом, что им всё равно не жить и надо прихватить с собой тех, кто принес гибель, но…

На моё счастье, никто из падальщиков Майдабрежья умом не обладал. И все они превратились в беспощадных зверей, обуянных желанием спастись…»

(Удалённые комментарии к вложениям Гарика Визиря)

…Каждый против каждого.

Удары и выстрелы, подножки, подсечки, бешеный рык…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.